

18+

Стелла Так

НОЧЬ

NIGHT OF CROWNS:

КОРОЛЕЙ

SPIEL UM DEIN SCHICKSAL

ИГРА С СУДЬБОЙ

НА КАКОЙ
СТОРОНЕ БУДЕШЬ ТЫ
В ИГРЕ ЛЮБВИ И СМЕРТИ?

Екатерина Новгородова
Стелла Так
Ночь Королей. Игра с судьбой
Серия «Клуб романтики»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66321534

*Ночь Королей. Игра с судьбой: [роман] / Стелла Так: АСТ; Москва;
2021*

ISBN 978-5-17-137365-8

Аннотация

На протяжении нескольких веков семьи Честерфилд и Сент-Беррингтон находились под действием страшного проклятия. Сейчас их поместья превратились в пансионаты, однако чары все еще нависают над двумя аристократическими домами.

Элис приезжает в Честерфилд, не представляя, какие секреты скрываются за стенами древней академии. Она намерена хорошо провести лето, научиться чему-то новому, найти друзей. Возможно, даже влюбиться. Например, в парня по имени Винсент – невероятного красавчика, покоровшего ее сердце лишь одной улыбкой.

Но однажды все меняется.

Один из студентов исчезает при загадочных обстоятельствах, а совсем скоро Элис находит его в лесу. Точнее, его *каменную*

статую. Как такое возможно? Почему все вокруг абсолютно спокойны? А главное – что означает символ шахматной фигуры, внезапно появившийся на ее запястье?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	33
Глава 3	42
Глава 4	66
Глава 5	71
Глава 6	81
Глава 7	108
Глава 8	123
Конец ознакомительного фрагмента.	131

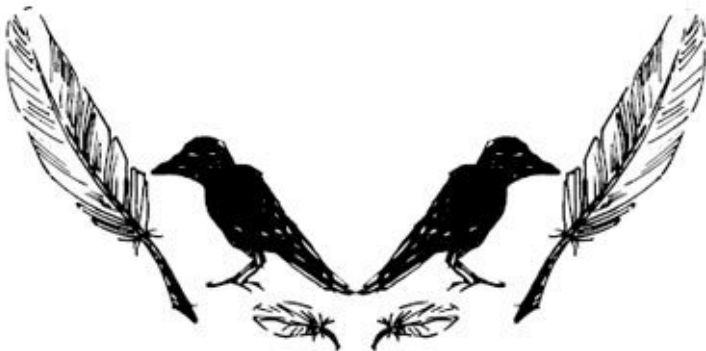
Стелла Так

Ночь Королей.

Игра с судьбой

Тем, кто всегда видел во мне больше, чем просто девушку с мечтательным взглядом, странным юмором и дислексией – спасибо.

Всем другим девушкам с мечтательным взглядом, странным юмором и дислексией – не сдавайтесь! Никогда!

Глава 1

– Ты уверена, что мы едем в верном направлении? – Наморщив лоб, я смотрела в окно машины, где густой лес проносился мимо нас так близко, что ветки то и дело задевали стекло.

– Конечно, я уверена. Не будь такой трусихой, Элис, – отозвалась Корди, умудряясь при этом наезжать на каждый корень и каждую выбоину по дороге. То, что она при этом продолжала давить на газ, не делало путь менее ухабистым.

Тусклые фары грузовика разрезали темный лес лучами слабого света, освещая морщинистые стволы деревьев, возвышавшиеся над нами точно исполинские великаны с нахмуренными лицами.

Леса в штате Мэн казались немного жуткими. Особенно в полночь посреди дороги в никуда. Корди – на самом деле Корделия, моя лучшая подруга и капитан команды поддержки средней школы Фокскрофта – раздраженно прищелкнула языком, когда грузовик издал гудящий звук, после того как она отправила его в следующий поворот будто упрямого осла. Раздался грохот, и на секунду все, что было в автомобиле, подпрыгнуло вверх. Мой желудок в том числе.

– Корди, – жалобно вскричала я, уцепившись за приборную панель в поисках поддержки. – Езжай помедленнее! Согласно Нави, мы находимся посреди «ничего». Заблудились!

Здесь никто никогда в жизни не будет устраивать вечеринку.

Корди одарила меня взглядом, ясно показывающим, что она думает о кайфоломах на пассажирском сиденье.

– Расслабься, Элис. Эта глупая машина – жуткий метал-лолом. На днях она хотела, чтобы я сократила путь в школу через кукурузное поле. – И палец с тщательно ухоженным ногтем постучал по экрану Нави.

– Конец ноября, сейчас даже кукурузы нет, – напомнила я ей.

– Но поле есть, – возразила она, пока Нави со скрипом переключалась.

– *При следующей возможности, пожалуйста, развернитесь,* – произнес голос в сотый раз.

– Вот, смотри! Опять такое же дурацкое поле, – проворчала Корди. Взглянув на экран, я действительно увидела сплошную бескрайнюю зелень, которая якобы простиралась перед нами. Будто мы направлялись прямо в «никуда».

– Кто покупает навигатор в «Уолмарте»? – усмехнулась я.

Корди бросила на меня язвительный взгляд, в то время как машина преодолевала ближайший корень. Розовый плюшевый кубик на зеркале заднего вида дико раскачивался взад и вперед – так же, как и моя голова.

– Не все из нас настолько богаты, чтобы позволить себе виллу, – отозвалась она, и в следующее мгновение, когда в свете фар сверкнули глаза оленя, резко сбросила газ.

Грузовик кашлянул, и раздался громкий хлопок. Мне в

нос ударил запах гари, и я очень надеялась, что он шел не из двигателя. Олень испугался и убежал в подлесок.

– Я не богата, Корди, и ты это прекрасно знаешь.

– А почему тогда вы живете на огромной старой вилле?

Я состроила ей гримасу и впервые с тех пор, как она нажала на педаль газа, забыла о страхе за свою жизнь.

– Дом древний, потолок протекает, отопления практически нет, и я подозреваю, что у нас живут летучие мыши. И если бы у бабушки Эмеральд не было инсульта, я по-прежнему жила бы в двухкомнатной квартире в Луизиане, – напомнила я подруге об обстоятельствах, которые привели нас с мамой в Фокскрофт два года назад и которые вообще-то были ей прекрасно известны. Однако у Корди был непревзойденный талант трансформировать реальность так, как ей в данный момент требовалось.

– Вилла остается виллой, – заявила она и в следующее мгновение снова нажала на тормоз так резко, что меня сильно придавило ремнем безопасности. Двигатель грузовика заглох, кашлянул и заглох.

– Черт возьми, Корди, что это было? – прохрипела я, все еще пытаясь оправиться от травмы, только что нанесенной мне ремнем.

– Как это что? Мы на месте. – Корди торжествующе усмехнулась, перекинув длинные темные волосы через плечо. На ней все еще была форма закусочной, где она подрабатывала после школы.

Корди выглядела в ней, словно персонаж черно-белого фильма шестидесятых годов.

– И здесь должна быть вечеринка?

Я скептически посмотрела в окно. Деревья снаружи стояли так часто, что я всерьез сомневалась, можно ли здесь вообще организовать тайную вечеринку. Мое нежелание выходить из теплой кабины заставило меня еще более беспокойно заерзать на плюшевом розовом сиденье.

Нахмурившись, Корди постучала по Нави, которая указывала, что мы припарковались прямо «посреди нигде» штата Мэн.

– Да! Ничего не понятно, давай тут немного осмотримся? – спросила она с типичным для нее блеском в глазах.

Я ущипнула себя за переносицу.

– Не могла бы ты еще раз напомнить мне, почему мы, собственно, дружим?

– Может быть, потому, что я сломала нос Томасу Баффорту, когда он схватил тебя за задницу в твой первый день в школе?

– Верно... – Я усмехнулась. – Молотком.

– Это я была молотком, – со смехом возразила Корди, ковыряясь в своей сумочке и вытаскивая платье, настолько короткое, что оно едва ли заслуживало этого названия. – Кроме того, я кормлю тебя картошкой фри и бутербродами, когда твоя мама снова пашет на тридцатичасовой смене. Без меня ты умерла бы с голоду, стала бы совсем одинокой

и, может быть, даже начала бы подбирать имена мышам на вашей вилле.

– Ладно, ладно, убедила. Ты отличная подруга, – сказала я, делая вид, что собираюсь вручить ей орден.

– А ты веселая и помогаешь мне в математике, поэтому я с удовольствием тебя кормлю, – великодушно ответила Корди, прежде чем вылезти из своей старомодной униформы, от которой пахло сосисками и вафлями, и надеть через голову крохотное платье. По крайней мере, Корди хорошо подготовилась к тайной вечеринке посреди леса, оставив на ногах плотные колготки и черные мокасины. В Фокскрофте приходилось быть прагматичными. Особенно если ночью уже было холодно, и ты не хотел переломать себе ноги на неровном деревянном полу.

Пока Корди освежала макияж, я открыла дверцу машины и заставила себя выскочить наружу. Холодная влажная земля пахла травой, землей и хвоей, а осенний воздух уже напоминал о снеге и зиме.

Все же я была рада, что надела черные джинсы с рваными коленками и папину старую клетчатую рубашку на толстой подкладке. Я обогнула машину и подошла к месту водителя.

– Ты скоро закончишь? – спросила я у Корди, которая изображала «утиные губки» перед зеркальцем в солнцезащитном козырьке. Она завинтила помаду.

– Вот теперь все, – сказала она, явно довольная результатом, закрыла козырек и выскочила за мной на улицу.

Я скептически огляделась и придвинулась к ней поближе.

– Ты же понимаешь, что мы будто попали в сценарий фильма ужасов? Две девушки, пробирающиеся на вечеринку в темном лесу. На самом деле не хватает только того, чтобы кто-то проколол нам шины.

Я уставилась на подругу с неподдельным ужасом.

– Не волнуйся... – Корди похлопала меня по плечу. – Зануды всегда умирают последними. Убийцы сначала бросаются на хороших. Так что пока ты в безопасности.

– Ха-ха-ха, спасибо, Корди.

Она широко улыбнулась.

– А что? Кто сегодня получил девяносто девять баллов на подготовительном тесте колледжа? Уж точно не я.

– Зато ты стала королевой бала, – напомнила я ей про осенний бал, произошедший два месяца назад.

Восторженная улыбка озарила ее лицо.

– Да... это было красиво! Я никогда не забуду, как Энджи принялась завывать на глазах у всех.

Она хихикнула, а я бросила на нее строгий взгляд. Корди иногда могла быть полной стервой, и время от времени титул ее подруги казался обременительным. Но поскольку Энджи была гораздо большей стервой, я не могла по-настоящему винить Корди.

– Скажи-ка, где именно... – начала я, но тут Корди резко остановилась.

– Вот, – возбужденно воскликнула она, и я завертела го-

ловой.

– Что там? Убийца с топором? Или Энджи? Впрочем, это почти одно и то же, – прошептала я встревоженно.

Корди вздрогнула.

– Нет, разве ты не слышишь? По-моему, там, впереди, вечеринка!

Взволнованная, Корди потянула меня дальше – и в самом деле: через некоторое время до нас начал доноситься типичный шум тусовки. Звуки хард-рока, смешанные с узнаваемым запахом пива.

Огни, скорее всего, от автомобильных фар, рассекали темноту.

– Кто именно устраивает эту вечеринку? – спросила я у Корди, которая как раз споткнулась о корень от волнения. Я быстро протянула ей руку, прежде чем она успела приложиться носом.

– Черт возьми, рос бы ты где-нибудь в другом месте! Прости, что ты сказала, Элис?

– Кому пришла в голову гениальная идея устроить здесь вечеринку, ради которой мне пришлось лезть в окно посреди ночи.

– А, это богатые дети из частной школы.

– Какой из двух? – буркнула я. – Честерфилда или Сент-Беррингтона? Они обе на этой территории.

Корди пожала плечами.

– Разве это важно? Главное, чтобы было бесплатное пиво.

Я скептически нахмурилась.

– Разве последняя вечеринка Честерфилда не была прекращена полицией?

Это событие послужило темой для разговоров в Фокс-скрофте на целую неделю.

– Ты же знаешь, если мама узнает, что я здесь, я, можно сказать, мертва.

– Чушь собачья, твоя мама – шериф, уж как-нибудь справишься с этим, – отмахнулась Корди. В полумраке я различила только, как ее глаза вспыхнули от восторга.

– Последняя вечеринка, говорят, стала легендарной. А ты в тот день уговорила меня пойти в кино. Так что сегодня случится давно назревавшая справедливая расплата.

Я фыркнула, закатив глаза, и получила за это быстрый пинок, который чуть не столкнул меня в ближайший куст.

– Эй, – возмущенно обратилась я к ней.

Она рассмеялась и продолжила пробираться вперед.

– Иди уже сюда. Сегодня мы тусуемся с богатыми детишками. О, там Питер и Мэттью! Эй, Питер! Мы здесь!

Возбужденно размахивая руками, она пересекла поляну, раскинувшуюся прямо перед нами. Немного ослепленная внезапным ярким светом, я остановилась, разглядывая открывшуюся сцену.

Поляна была удивительно большой и выглядела почти как парковка. По крайней мере, трава была примята, на влажной земле виднелись глубокие следы колес. Полдюжины дорогих

машин стояли неправильным полукругом. Как и предполагалось, свет исходил от фар. Из элегантного «Ламборджини» гремела такая громкая музыка, что ее гипнотический ритм заставлял землю вибрировать под ногами. В кузове черного монструозного грузовика разливали пиво из больших серебряных бочек. Двое парней прилежно раздавали красные бумажные стаканчики, а в воздухе висел запах сигарет. Наверное, половина Фокскрофта собралась здесь, чтобы присутствовать на одной из легендарных вечеринок двух местных частных школ.

– Элис, вот ты где! Ты прячешься от нас? – Большая сильная рука обвилась вокруг моего плеча, а к спине прижался теплый мужской торс. В нос ударил запах мыла и чего-то сладковатого.

– Привет, Питер. – Улыбнувшись, я подняла взгляд на квотербека старшей команды Фокскрофта, который, ухмыляясь, прижимал меня к себе.

– Ты прекрасно выглядишь, – пробасил он мне в ухо, а затем быстро чмокнул меня в щеку.

– Спасибо, ты тоже. – Я смущенно отвела взгляд.

Питер рассмеялся, а потом, пользуясь своими широкими плечами, перевел меня через толпу, словно я была футбольным мячом. При этом он все время держал руку на моем плече. Как всегда, от его близости у меня учащалось сердцебиение. Питер был великолепен, и я твердо решила сказать ему об этом именно сегодня. Может быть, после пива... или

двух.

Мы улыбнулись друг другу, будто только что обменялись мыслями. Голубые глаза Питера вспыхнули, и мое сердце понеслось вскачь.

– Ты все еще демонстративно носишь эту штуку? – Я поддразнила его, дернув за рубашку, на которой после сегодняшней тренировки осталось несколько пятен от травы.

– Пфф. Беррингтон должен знать, кто их прикончит в этом сезоне, – сказал Питер немного громче, чем нужно, что сразу же привлекло парочку враждебных взглядов.

– Если ты затеваешь драку, не воображай, что Элис или я после этого будем лечить твои болячки! – крикнула нам Корди сквозь шум.

Мэттью – лучший друг Питера – и Корделия стояли рядом с монструозным грузовиком, неподалеку от нас, взяв два стаканчика с напитками у парня с бирюзовыми волосами. Белая пена медленно доползла до края кружки и капнула на землю, когда Корди, широко ухмыляясь, приняла стаканчики.

– Спасибо, и что ты за это хочешь? – Она посмотрела на него, взмахнув ресницами, как в кино.

– Для красивых девушек – за счет заведения, – посмеявшись, низким басом ответил парень с бирюзовыми волосами. Плечи его были так широки, что даже Питер рядом с ним казался маленьким. Квотербек оценивающе разглядывал его, будто пытался понять, как лучше всего справиться с подобным противником на следующем футбольном матче.

– Классная вечеринка, – продолжала заигрывать Корди. –

Вы ведь из Беррингтона?

– Ага, добро пожаловать во власть черной стороны!

Парень с бирюзовыми волосами снова рассмеялся и ткнул другого, стоявшего рядом с собой, локтем под ребра.

– Эй, Хок, ты это слышал? Черная сторона власти, а не темная! Классика жанра! – Он поднял руку в жесте «дай пять».

У Хока, стоявшего рядом с краном, на лице появилось раздраженное выражение, и он отвернулся, оставив руку друга просто висеть в воздухе.

– Ты не остряк, Бастион. Никогда им не был и никогда не будешь, – с этими словами он наполнил следующую кружку и протянул ее мне без какой-либо просьбы с моей стороны.

Сзади на него падал свет от фар автомобиля, и он казался окруженным короной. Из-под черной шапки выглядывало несколько прядей вороной челки, точно у пони – они свисали на его лицо с тонкими чертами и азиатским разрезом глаз.

– Ты же еще ничего не взяла из выпивки? – любезно уточнил он.

– Я? Нет, спасибо, это очень мило, – удивленно ответила я и взяла у него из рук стакан. – А по какому случаю вечеринка? У кого-нибудь день рождения? – спросила я с любопытством, в то время как Питер тоже налил себе пива.

Бастион усмехнулся и скрестил мускулистые руки на груди.

– Никакой конкретной причины. Просто праздник в честь нашей дерьмовой короткой жизни.

– Бастион, хватит, – рыкнул Хокинс, потом вопросительно посмотрел на нас. – Хотите еще что-нибудь?

– Нет, спасибо, больше мы вас не побеспокоим, – заверила Корди, хотя при этом бросала на Бастиона весьма двусмысленные взгляды. Тот широко ухмыльнулся и подмигнул.

– Ты можешь побеспокоить меня после вечеринки, если хочешь.

– Не хочет. Спасибо за пиво, – возразила я, прежде чем Корди с восторгом согласилась бы, затем схватила ее за руку и потащила за собой через толпу.

– Элис! Что это было? Я почти закадрила чувака из Беррингтона. Это дает двадцать очков!

– Серьезно, Корди? – Недоверчиво фыркнув, я отпустила ее. – Ты действительно хочешь играть в эту дурацкую игру с очками?

Корди изобразила на лице изумление и прижала руку к груди.

– Дурацкую? Это традиция Фокскрофта!

Она расправила плечи и стала перечислять:

– Пять баллов за поцелуй с парнем из школы-интерната. Десять очков за объятия. Пятнадцать очков за занятия любовью. И двадцать за...

– Я не хочу это слышать. Ла-ла-ла, – пробормотала я, быстро зажав уши.

– Чего она не хочет слышать? – спросил Питер, присоединившийся к нам. Большими глотками он отпил напиток из стакана.

– Что она ханжа. Ты должен срочно что-то предпринять, Питер, – сказала Корди.

– Эй! Я не ханжа. Я просто не понимаю, зачем нужно ради глупых очков парней из интерната...

– ...укладывать? – любезно подсказала Корди.

– Кто тут кого укладывает? – вмешался теперь уже Мэттью.

Питер скривился.

– Все дело в очках, если кого-нибудь из этих снобов закадрят.

Лицо Мэттью приобрело выражение, будто он унюхал неприятный запах.

– Эта фигня по-прежнему существует? Еще моя сестра играла в это. Что у вас, девочки, с этими парнями из интернатов? Они все сумасшедшие.

– Таинственные, богатые и горячие, наверное, ты имеешь в виду, – возразила Корди, восхищенно глядя в сторону Бастиона с его бирюзовыми волосами. – Жаль, что их почти не выпускают в город и вечно держат взаперти. Будто они сидят в тюрьме, а не ходят в эту чертову частную школу.

Она с тоской вздохнула.

– Кто-нибудь из вас когда-нибудь был в Беррингтоне или Честерфилде? – спросила я. Вообще-то слухи вокруг интер-

ната никогда меня особенно не интересовали. Но пока я ни разу и не пересекалась с тамошними учениками. До сегодняшнего дня, по крайней мере.

Все покачали головами, и Мэттью сказал:

– Если ты не можешь собрать деньги на обучение там, то даже не имеешь права заходить на их территорию.

– Чувак, я вовсе не хочу туда заходить и каждый день носить галстук, – со смехом заметил Питер.

Они чокнулись и залпом опустошили свои стаканы. Я закатила глаза и пригубила пиво. Ощутив горький вкус во рту, я постаралась подавить гримасу.

– Ты по-прежнему не любишь пиво, Элис, – весело прошептал мне на ухо Питер.

– На вкус отвратительно. Когда все отвернутся, выпей его за меня, хорошо?

Питер усмехнулся и подмигнул мне. Краем глаза я увидела, как Корди подала мне восторженный знак большим пальцем вверх. Ее советы в области флирта в последнее время достигли странных масштабов. Когда она сделала поощряющий жест, я глубоко вздохнула и посмотрела на Питера.

– Может, хочешь потанцевать? – Я указала на середину поляны, где уже двигались какие-то люди в ритме гулких ударов музыки.

– Если мне нужно будет только переминуться с ноги на ногу, с удовольствием, – сказал Питер, забирая у меня стакан и выпивая его содержимое на ходу, а после ставя его на капот

машины.

– Покачиваний будет вполне достаточно, – ответила я и улыбнулась Питеру после того, как он притянул меня в свои объятия и повел танцевать.

– И? Действительно ли эта вечеринка была такой ужасной идеей? – весело спросила Корди, когда они с Мэттью к нам присоединились.

– Нет, здесь здорово, ты была права, – вынуждена была признать я собственную неправоту.

– Я всегда права, и пиво отличное! Мы возьмем еще.

– Пиво теперь твое новое кодовое слово, означающее студентов интерната с бирюзовыми волосами? – поддразнила я ее.

Корди шевельнула бровями и исчезла в сумраке с Мэттью на буксире, а Питер крепче обхватил меня руками. Улыбаясь, я прижалась к нему, а он целовал меня в шею. Я глубоко вздохнула, и мне показалось, что я впитываю в себя этот миг во всех его мельчайших подробностях. Я почувствовала, как нежный ветер шевелит мои светлые волосы, как пахнет пивом, дымом и лесом, а музыка вибрирует в моей груди, словно глухие удары сердца.

Бум. Бум. Бум.

Улыбаясь, я открыла глаза – и встретила взгляд какого-то парня, стоящего с краю толпы и не сводящего с меня глаз.

Бум.

В растерянности я принялась разглядывать его так же

пристально.

На нем была белая рубашка с засученными до локтей рукавами, а с шеи свободно свисал кроваво-красный галстук. На левом нагрудном кармане изображался школьный герб.

Он прислонился к мотоциклу и затянулся сигаретой.

Заинтригованная, я следила за дымом, поднимающимся от его губ к темным волосам, которые густыми волнами падали ему на лицо. Возможно, это было просто из-за яркого света, но его глаза казались черными.

Бум.

Мое сердцебиение замедлилось, или, может быть, просто промежутки между его ударами показались мне длиннее, чем обычно. Мы уставились друг на друга, и время будто остановилось. Звуки казались искаженными и приглушенными, люди вокруг нас двигались словно в замедленном темпе, точно так же, как и дым, поднимавшийся изо рта парня.

Затем на его лице вдруг промелькнуло растерянное, почти испуганное выражение.

Мы знакомы? Я нерешительно подняла руку и помахала ему.

Парень швырнул сигарету на землю и оттолкнулся от машины. Он сделал шаг ко мне, потом еще один. Я задержала воздух в легких и...

– Элис, – вдруг прошептал мне на ухо Питер.

Его теплое дыхание смахнуло прядь волос мне на лицо и так резко вернуло к реальности, что мое сердце испуган-

но замерло. Точно какой-то кокон вокруг меня лопнул, как мыльный пузырь, и я снова оказалась в центре вечеринки.

Музыка оглушала, запахи назойливо лезли в нос, а цвета казались такими яркими, что заставляли раздраженно моргать. Парень остановился. Его взгляд скользнул по Питеру, затем он встряхнул головой, рывком повернулся и исчез в толпе.

– Может быть, ты хочешь... – продолжил Питер, проводя пальцем по моему позвоночнику, чем вызвал у меня сильную дрожь, – еще что-нибудь выпить?

Мышцы моей шеи едва заметно напряглись.

– С удовольствием.

Я заставила себя стряхнуть странное чувство, которое вызвал во мне короткий обмен взглядами с другим парнем, и последовала за Питером обратно к грузовику, где Корди и Мэттью уже заливали в себя очередное пиво.

– Если вы, танцуя, будете выглядеть еще более влюбленными, то в итоге кто-нибудь поскользнется на ваших влажных следах, – с усмешкой прошептала мне Корди.

– Ты просто завидуешь, – перебила я ее, прежде чем обратиться к Питеру. – Я спрошу, нет ли у них чего-нибудь, кроме пива, ладно?

Он подмигнул.

– Окей. Удачи в этом, – ответил он и схватил стакан Мэттью.

Я подошла ближе к грузовику-монстру и постучала по

черному лакированному кузову, чтобы привлечь внимание Бастиона.

– Еще пива, милашка?

– Могу ли я попросить просто колу? – смущенно пробормотала я.

– Кока-кола? То есть совсем без алкоголя? – Когда я кивнула, его брови с пирсингом поднялись вверх.

– Я вижу, ты совсем дикарка, да?

Он рассмеялся, затем выпрямился и похлопал приятеля по плечу.

– Эй, Хок. У нас есть еще кола?

Хок покачал головой.

– Здесь нет, но, возможно, еще один ящик в школе. Я проверю.

– О нет, только не надо лишних хлопот. Лучше я тогда просто ничего не буду пить, – поспешно отозвалась я.

Хок посмотрел на меня, потом оттолкнулся от грузовика.

– Ладно, мне все равно нужно принести еще пива. Я скоро вернусь, Бастион.

Тот кивнул и продолжил разливать пиво.

Я снова присоединилась к остальным, виновато провожая глазами Хока, который только что скрылся за машинами, пока, наконец, мои хорошие манеры не победили. Я дернула Питера за рукав.

– Я скоро вернусь, окей? Просто помогу парню с напитками.

Питер нахмурился.

– Хочешь, я пойду с тобой?

– Нет, все в порядке. Я большая девочка, справлюсь сама, – улыбнувшись, отмахнулась я и поспешила за Хоком, прежде чем он исчез из моего поля зрения.

– Эй! Подожди! – крикнула я ему вслед и догнала его как раз в тот момент, когда он свернул на темную тропинку между густо стоящими деревьями.

– Позволь мне, по крайней мере, помочь тебе нести.

Хок остановился и повернулся ко мне.

– Все в порядке, тебе не обязательно мне помогать.

– Но я хотела бы помочь, иначе меня будет мучить совесть.

Правый уголок рта Хока дернулся.

– Ты так ведешь себя из-за этой затеи с очками? – смеясь, спросил он.

В ужасе я уставилась на него.

– Что? Нет!

– Уверена? Если это так, я должен сразу тебе сказать, что у меня есть девушка.

– О, боже! Нет, это не так... извини, я действительно просто хочу помочь, – оправдывалась я, чувствуя, что густо краснею.

Теперь и левый уголок его рта поехал вверх.

– Ладно, тогда пойдем со мной. Это здесь, рядом.

Он велел мне следовать за ним, и, бросив последний

взгляд на поляну, я углубилась в лес. Сразу стало на несколько градусов холоднее, так что воздух при дыхании превращался в пар.

– Как тебя зовут? – дружелюбно поинтересовался Хок, придерживая низко свисающую ветку.

Благодарная, я проскользнула под ней и поспешила не отставать от него и его длинных ног.

– Элис. Элис Солт, – представилась я.

Хок заинтересованно наклонил голову и посмотрел на меня.

– Солт? Ты как-то связана с шерифом?

Вздохнув, я состроила гримасу.

– Да, это моя мама.

Он фыркнул.

– И при этом ты на подобной вечеринке? Она об этом знает?

Я бросила на него многозначительный взгляд и заправила прядь волос за ухо.

– Нет. И если она появится здесь сегодня, я буду утверждать, что вы меня похитили.

Хок опять рассмеялся. Его голос звучал мягко и тепло, и я с удивлением обнаружила, что нахожу его милым. Он выглядел таким удивительно... нормальным.

– Мы пришли. Подожди меня здесь, я скоро вернусь, – сказал он.

С любопытством задрав голову, я уставилась на кованые

ворота, появившиеся перед нами посреди леса. Почти такой же высоты кирпичная стена, покрытая зарослями дикого плюща, простиралась слева и справа от ворот, отрезая территорию интерната от внешнего мира. В голове тут же пронеслась фраза Корди о том, что это место похоже на тюрьму, что при виде подобного казалось чистой правдой.

– Хорошо, – сказала я, наблюдая, как Хок исчез за воротами.

Вероятно, виной тому было лишь воображение, но у меня появилось легкое ощущение, будто воздух, проникавший через распахнутые настежь створчатые двери, был на несколько градусов прохладнее, чем в лесу.

Замерев, я смотрела вслед Хоку, который тихо, как кошка, растворился в темноте. В принципе, не хватало только тумана, и это место идеально подошло бы для фильма ужасов. Нервно оглядываясь, я прикусила нижнюю губу и переступала с ноги на ногу, ожидая, когда Хок вернется. Чтобы хоть чем-то себя занять, я подошла поближе к воротам и посмотрела на изящно выкованные завитки черного железа. Слева на кирпичной стене виднелась серебряная табличка с еле различимой надписью: «Сент-Беррингтон». Заинтересованная, я шагнула еще ближе, пока не остановилась почти прямо перед воротами. Рядом с ними красовался школьный герб – он изображал изящную руку, державшую розу. Я дотронулась до него, провела пальцем по его углублениям, и холод стал таким пронзительным, что я начала клацать зуба-

ми. Я покрылась гусиной кожей и плотнее укуталась в клетчатую рубашку.

Какой бы захватывающей ни была вечеринка, адреналин утихал, и сейчас я заметила, что устала. Еще и проголодалась, в животе бурчало.

Я вздохнула, и тут хруст в подлеске заставил меня съежиться от страха. Я обернулась, но увидела только плотно стоящие деревья, корни которых извивались по земле, словно змеи. Черт, это было жутко! Я надеялась только на то, что Хок скоро вернется, перед тем как мне успеет нанести визит какой-нибудь маньяк. Я приподняла голову в ожидании, и в этот момент заросли впереди пришли в движение, и...

«Ах!». Мое сердце на мгновение замерло, а в легких от ужаса закончился воздух. Я отступила назад и споткнулась. В подлеске опять раздался треск, и вышла – кошка!

– О боже, ты меня напугала! Хочешь меня прикончить? – прохрипела я, все еще чувствуя, что от пережитого ужаса готова выплюнуть легкие.

Белоснежная кошка остановилась передо мной, выглядя при этом слегка озадаченной. С облегчением я выдохнула, а сердцебиение пришло в норму.

– Ну, что ты здесь делаешь?

Я опустила на корточки и протянула руку. Кошка (*или кот*) забавно поводила ушами, подходя ближе.

– Привет, я Элис. А ты кто? – спросила я, будто кошка могла дать мне ответ.

Она наклонила голову, подняла лапу, словно для того, чтобы пожать мне руку, и ответила бархатно-мягким и удивительно глубоким голосом:

– Привет, Элис. Я Карс.

Я заорала так пронзительно, что в ушах стало больно. Дернувшись назад, я сильно ударилась спиной о железные ворота. Лязг удара эхом разнесся по всему лесу.

Кот от испуга выгнул спину и зашипел на меня, а я смотрела на него широко раскрытыми глазами. Сердце заколотилось так сильно, что стук его отдавался даже в языке, когда я дико затрясла головой.

– Ты действительно только что говорил? – ошеломленно выдохнула я.

– А ты действительно меня сейчас поняла? – прозвучал удивленный встречный вопрос. Ясно и отчетливо. *От кота.* От кота, который только что сообщил мне, что его зовут Карс.

Я снова заорала.

– Черт побери, – выдавил кот.

– Элис? – спросил испуганный голос, который на этот раз, к счастью, не принадлежал коту.

Я обернулась и с облегчением обнаружила Хока, стоящего перед железными воротами с ящиком прохладительных напитков в руках.

– Это... это... я... я что-то услышала, а потом появился вот... кот! – простонала я, указывая на Карса.

Хокинс хмыкнул.

– И? – спросил он.

– Мяс, – невинно сказал Карс. Я повернулась на пятках, но увидела только, как гадкая скотина с поднятым хвостом стремглав помчалась прочь и молниеносно исчезла в кустах.

– Кот... там... у него... – я, совершенно сбитая с толку, заикалась, в то время как Хокинс отодвинул ящик и открыл скрипучую калитку.

– Тебе нехорошо? Ты слишком много выпила? – спросил он явно обеспокоенно, обхватив мое плечо. Его пальцы коснулись меня только слегка, почти мимолетно, но моя кожа безо всякого предупреждения снова вся покрылась мурашками. Даже волосы на шее встали дыбом. Я отодвинулась. Но чувство ужаса осталось и выросло еще сильнее. Холод словно пополз по вискам, пока не застрял в мозговых извилинах. Мозг замерз. Боль была острой и колющей.

Я заметила, что у меня дрожат колени.

– Элис?

Я почувствовала, как Хок обхватил меня руками. Я открыла было рот, но из него вышел только ледяной пар, и перед глазами расплзлись темные пятна. Кровь застучала в жилах, и я услышала, как в моем черепе гремит голос, похожий на удар колокола:

*Заклятье нас в фигуры превратило,
Шестнадцать нас, терпеть нам до могилы.*

*Не избежать ни черным и ни белым
Той вечной схватки до последнего предела.*

*Здесь кровь за кровь, и будет только так,
Для каждого в конце найдется враг.
И сердце никогда не даст покоя,
Заклятье вечное лежит на нас с тобою.*

– Элис! Эй! – Трясущие руки так резко вырвали меня обратно в реальность, что я, как утопающий, начала хватать воздух ртом.

Я моргнула и увидела Хока, стоящего надо мной на коленях. Я упала? Когда это произошло? Что случилось?

– Что... что это было? Что это был за голос?

Я закрыла глаза. В висках пульсировало, а когда я снова подняла веки, Хок испуганно смотрел на меня.

– Ты что-то слышала? Черт! Что именно ты слышала? – спросил он, взволнованно глядя на меня.

– Конечно, я что-то слышала. Этот голос и этот... этот кот... Что это было? – хрипло выговорила я, попыталась сесть и застонала. – Черт!

У меня все болело. Резкая боль пронзила спину, и я сипло втянула воздух, в то время как Хок смотрел на меня с крайне странным выражением.

Потом медленно произнес:

– Если ты что-то слышала... то ты и это видишь? – Его палец указал на что-то рядом со мной, и мышцы моей шеи

резко напряглись.

– Что... – начала я, с содроганием водя руками и чувствуя на ощупь нечто странное. Растерянно глянула вниз и увидела пару длинных, дрожащих паучьих ног, цепляющихся за меня.

– Дьявол! – с отвращением вскричала я, в панике отряхивая плечо. – Что это было? Это был паук? Он все еще там?

Хок сердито поморщился.

– Значит, ты действительно его видишь?

Я открыла рот и в следующее мгновение почувствовала, как что-то щекочет меня за волосы. Когда я подняла взгляд, мои глаза расширились. Над зазубренными остриями ворот просто кишели пауки. Большие, маленькие, с длинными, тонкими, дрожащими ногами – они ползали повсюду.

– Ах ты, черт! – Я подскочила, но ноги тут же подогнулись. Хок медленно помог мне подняться. Его взгляд остановился на мне, как... *как в кошмарном сне*. Точно, это мог быть просто кошмар!

– Что это за бред?

Хок поморщился и сказал только:

– Мне очень жаль.

– Что тебе жаль? – прошипела я и неистово похлопала себя по щекам. Я должна проснуться. Быстро! Но не выходило. Никак.

В тот же миг у Хока прямо по лицу пополз особенно жирный паук.

Он отпрянул и хлопнул себя рукой по щеке. Но на него навалились еще десятки, засуетились и поползли по нему, все... *прямо на меня.*

– Уходи, Элис, – крикнул Хок. Наши взгляды встретились, когда он смахнул с плеча пару пауков. Я попятилась. Шаг. Два.

– Уходи, пока можешь! – торопил меня Хокинс.

Что-то поползло вверх по моей спине, и я прислушалась к совету Хокинса. Скуля, я повернулась и побежала, будто за мной гнался дьявол. Слезы катились по моим щекам, но я почти не чувствовала их, как и веток, хлеставших меня по лицу.

Это наверняка кошмар.

Просто кошмар.

Страшный кошмар.

Глава 2

Полгода спустя

Кошмар!

Задыхаясь, я поднялась с кровати. По спине тек холодный пот, а звук моего мобильного пронзительно отдавался в ушах. Дрожащими пальцами я нажала кнопку повтора. Подушка была смята и оказалась такой же потной, как и моя спина. Я опять проворочалась всю ночь. Еще одна ночь, полная кошмаров – и они стали для меня привычными за последние полгода.

Шесть месяцев.

Я снова откинулась назад и закрыла глаза.

Нет говорящих кошек.

Нет черных пауков.

Я не сумасшедшая.

Все это – просто кошмар.

Мантра успокоила мой трепещущий пульс, и я снова открыла глаза – как выяснилось, просто чтобы увидеть *это*.

На этот раз *это* было большим, как мяч для гольфа, с длинными черными ногами и трясущимся телом, которое выглядело так, как будто кто-то оживил дым. И *оно* как раз ползло по моей кровати.

– Черт побери! – Я снова рывком села. Паук прошелестел

по покрывалу, а на полу я обнаружила еще десяток. Как и каждый день.

Они преследовали меня, словно живой кошмар, и постепенно у меня закончились объяснения, которые не сводились бы к тому, что я сошла с ума.

В последние месяцы я пыталась найти ответы.

Искала в Гугле самые возможные и невозможные вещи. Галлюциногенные грибы, например.

После этого я попыталась найти номер мобильного телефона этого Хокинса. Но ни у кого не было связей ни с Честерфилдом, ни с Сент-Беррингтоном. Все видели учеников интернатов только на вечеринках, которые они тайно устраивали, или в городе, где они то и дело возились со своими дорогими автомобилями. В конце концов, отчаявшись, я даже позвонила в Сент-Беррингтон и пару раз подошла к воротам. Но никто не ответил, и меня ни разу не впустили, если меня вообще кто-то заметил.

– Я *не* сумасшедшая, – мрачно сказала я паукам.

Они удрали, когда я свесила ноги с кровати и рывком отдернула шторы. Яркие лучи солнца осветили комнату и старый деревянный пол.

– Новый день, новое счастье, – мысленно произнесла я про себя, и отражение в окне состроило мне неубедительную гримасу.

«Новый день, новое дерьмо», наверное, подошло бы лучше. Но я не хотела быть пессимисткой уже с половины вось-

мого утра.

Я быстро оделась, схватила школьную сумку и побежала по коридору старого особняка. Вилла Солт была настолько старой, что уже начала жить собственной жизнью. Темные половицы скрипели, богато украшенные балки стонали, а двери, похоже, открывались и закрывались самостоятельно. О многих поколениях Солтов, которые здесь жили, свидетельствовали древние картины на коричнево-оранжевых обоях с узором на лестничной площадке, а также потертости на некогда красном ковровом покрытии на полу.

Я побежала вниз по лестнице на запах завтрака, доносившегося из кухни, почти полностью сделанной из старинного дерева. С балок свисали большие кусты лаванды и шалфея, которые бабушка собирала из одичавшего сада и вешала для сушки. Это была единственная комната на первом этаже, перед которой не росли старые деревья, и солнечный свет мог беспрепятственно проникать внутрь. Окна были открыты, и птичий щебет проникал в комнату, смешиваясь с бульканьем, доносившимся из кастрюли.

– Доброе утро! – Я старалась казаться такой беззаботной, какой должна себя чувствовать семнадцатилетняя старшеклассница. Нормальная, в лучшем случае занятая парнями и домашними заданиями. Девушка, какой я и была когда-то, поэтому мой тон звучал почти убедительно.

– Доброе утро, моя дорогая, – улыбнулась мама. Она уже надела свою форму: коричневые брюки, коричневая куртка

и звезда, которая выдавала в ней шерифа города.

Бабушка Эмеральд сидела, по обыкновению в углу, в кресле, и вязала. Она делала это постоянно после инсульта, и ритмичное шелканье спиц стало теперь чем-то вроде сердцебиения старого дома.

– Привет, бабушка, – сказала я и поцеловала ее в теплую морщинистую щеку, которая всегда пахла лимонными конфетами. При этом я незаметно смахнула у нее с плеча черного паука. Бабушка рассеянно улыбнулась.

– Как прошел твой визит к Сент-Беррингтонам, дорогая? Ты хорошо провела время за чаем? – спросила она, погладив меня по щеке.

– Да, спасибо, это было здорово, – мягко ответила я.

– Хорошо, хорошо. Ты должна выйти за него замуж. Он действительно хороший мальчик.

Я только кивнула, и мама тихо усмехнулась.

Белый локон выскользнул из прически бабушки. Она походила на милую старушку по соседству, и, пока деменция не взяла над ней верх, такой и была. Но в те нечастые моменты, когда ее голова была ясной, она, к сожалению, больше напоминала старую фурию, которая использовала свои спицы в основном для того, чтобы ткнуть кого-нибудь в ногу. Бабушка Эмеральд была матерью моего отца, но он редко говорил о ней. До той аварии, в которой он погиб, мы никогда не бывали у нее, и как только она показала свое истинное лицо, я стала понимать, почему. Она могла быть по-настоящему

злой! Папу никто не смел упрекнуть в том, что он так рано женился на моей маме и уехал.

Ну, кроме бабушки. Что она и делала. Громогласно. Хотя он был давно мертв. При этой мысли в моем горле образовался комок, но это все же было лучше, чем безудержный плач, который в первые несколько недель после его смерти был моим постоянным спутником.

– Ты проспала, – укоризненно сказала мама и отпила кофе, который готовился у нас круглосуточно. Я едва могла вспомнить момент, когда кофеварка в нашем доме не работала. Даже до нашего переезда в Фокскрофт кофе уже был неотъемлемой частью нашей жизни. Много ушло, но напиток остался. Запах утешал.

Я старалась не дергаться, когда черный паук с длинными ногами полз по краю маминой кружки. Пришлось промолчать, когда мама взяла чашку и отпила из нее, а паук тем временем пробежал у нее по руке. Крик ничего бы не изменил. Потому что мама все равно не увидела бы паука. Никто бы не увидел. И это было, наверное, самое страшное во всем происходящем: то, что я оставалась наедине с этим кошмаром.

– Я знаю. Уже иду, – буркнула я, отрывая взгляд от паука и хватая с блюда тост.

– Не едь слишком быстро! – предупредила меня мама, когда я выходила из кухни, на ходу поцеловав бабушку Эмеральд в морщинистую щеку. Та не подняла глаз и не прервала свое вязание.

– Хорошо, – отозвалась я, отпирая старую, выкрашенную в цвет зеленой мяты, дверь. Скрип петель прозвучал как вздох.

Мой велосипед лежал там, где я его вчера бросила, то есть в кустах рододендрона рядом с белой верандой.

Наша старая семейная вилла расположилась примерно в двадцати минутах езды от школы на юге Фокскрофта. Улица, где мы жили, находилась на окраине – здесь редко проезжали машины. И если кого-то в Фокскрофте переставали посещать мысли, что он живет в заднице мира, здесь, у нас, он сразу вспоминал об этом.

Бывший когда-то синим, фасад виллы выглядел серым и бледным, как обглоданные кости, преодолев десятилетия погодных испытаний. Рядом поскрипывали садовые качели. Деревья в саду были такими старыми и большими, что их ветви простирались надо всей крышей дома, погружая все вокруг в полутьму.

Я схватила велосипед, зажала тост между зубами и нажала на педали. Близилась летние каникулы, и было уже жарко, хотя солнце стояло еще не очень высоко. Когда я ехала по улице, ветер развевал мои волосы под пение цикад. Я сделала глубокий вдох и наконец почувствовала, как мой пульс немного успокоился.

Движение всегда помогало мне, и с тех пор как я научилась думать, долгая неподвижность заставляла меня нервничать и беспокоиться. Возможно, это было одной из причин,

почему я увлеклась чирлидингом еще до Фокскрофта.

Но в последнее время даже это не помогало. После тренировки я чаще всего оставалась такой же дерганой и рассеянной, как и до этого. Мои нервы были взвинчены. При этом меня пугала каждая тень, я плохо спала, и всякий раз, когда видела белого кота, оказывалась на грани нервного срыва. И я не могла никому рассказать об этом, потому что еще более ужасным, чем сами галлюцинации, был страх, что кто-то узнает о них.

Скрипнув тормозами, я остановилась на светофоре, который зажегся красным, и уставилась вдаль, на край леса, окружавший Фокскрофт, точно темное кольцо.

Меня тянуло в лес, к интернатам. То, что произошло тогда...

Я заставила себя отвести взгляд и съесть кусок тоста. Пока я ждала зеленого светофора, громкая музыка и рев мотора сзади заставили меня с любопытством оглянуться. Рядом со мной остановился дорогой серебристый кабриолет.

Я рассматривала четырех подростков, сидевших в автомобиле, вовсе не похожих на жителей Фокскрофта. Сначала я разглядела девушку на пассажирском сиденье: у нее были поразительно светлые волосы, она носила темные очки, которые могли стоить столько же, сколько весь мой гардероб.

За ней сидели два парня, которые, вероятно, были близнецами, поскольку так походили друг на друга, что мне показалось, будто я дважды увидела одного и того же челове-

ка. У них были лица с тонкими чертами, миндалевидными темными глазами и золотисто-каштановыми волосами, подстриженными а-ля бубикопф.

Однако мой взгляд привлек парень, сидевший за рулем. Возможно, девушка рядом с ним была его сестрой, ведь его волосы, падавшие на лицо мягкими локонами, были такими же необычно светлыми. Его левая рука небрежно лежала на руле, а другой он включил передачу и снова завел мотор. Он улыбнулся, а потом, совершенно неожиданно, поднял взгляд ярко-голубых глаз и обнаружил, что я его разглядываю. Я моргнула и вздрогнула, а в голове начало тихо гудеть, этакий «шум в ушах». Очевидно, это происходило от смущения, так же как и возникший на лице жар, заставивший меня покраснеть.

Его ухмылка стала шире, стали заметны ямочки на щеках.

– Что случилось, Винсент? Уже зеленый, езжай, наконец, – я услышала, как девушка раздраженно перекрикивает музыку.

– Хорошо, – отозвался он. – Я только что обнаружил нечто очаровательное! – Его теплый смех вызвал у меня дрожь по всему телу.

Девушки повернули головы, но в тот же миг светловолосый парень нажал на газ, и автомобиль умчался. Заинтригованная, я смотрела машине вслед, а когда, наконец, вернулась к действительности, светофор снова переключился на красный. Шум в ушах исчез.

– Что это сейчас было? – пробормотала я, трясая головой и одновременно быстро крутя педали, чтобы промчаться через перекресток. Если бы я не поторопилась, то опоздала бы на занятия, и это уж точно было последним, что мне требовалось перед выпускными экзаменами.

Потому что в отношении оценок моя жизнь в настоящее время тоже выглядела далеко не радужной.

Глава 3

– Я разочарована в тебе, Элис.

Я уставилась на бланк, лежащий передо мной на кафедре. Красная F¹ выглядела как уродливая рана на белом листе бумаги. Судорожно сжав в руке шариковую ручку, я прикусила язык, чтобы не выругаться вслух.

Миссис Грейсон вздохнула. Она пришла в Фоксскрофт-Хай на место запасного учителя всего несколько месяцев назад, но благодаря непреклонному характеру быстро сумела научить всех студентов уму-разуму.

– Я хочу поговорить с тобой после урока, – добавила она, затем, цокая каблуками, пошла дальше, чтобы раздать оставшиеся выпускные работы по английскому.

Это, вероятно, означало, что я провалилась. Полностью убитая, я сглотнула комок в горле и закрыла глаза. Когда я снова их открыла, по столу бодро полз паук. Мои пальцы так крепко обхватили ручку, что костяшки побелели.

Стиснув зубы, я приказала себе сохранять спокойствие. Никто другой не мог видеть эту гадину, и если я сейчас сорвусь, то снова окажусь у школьного психолога. Мой первый и последний срыв закончился именно там. Это произошло сразу после вечеринки, когда я обнаружила, что по-прежнему

¹ Низшая оценка в американской системе образования (здесь и далее примечания переводчика).

му способна видеть пауков. Психолог всучил мне диск для медитации против стресса и рекомендовал пить много жидкости. *Огромное спасибо.*

Но, по крайней мере, я не попала в психушку. И я намеревалась позаботиться о том, чтобы так оно и осталось.

Я прерывисто вздохнула, игнорируя паука, который опять неторопливо пополз по столу. Миссис Грейсон тем временем вернулась к доске, бросив строгий взгляд сквозь очки без оправы на ряды скамеек со студентами.

– Я поздравляю всех, кто получил более шестидесяти процентов в этом году². Мне известно, что большинство из вас мысленно уже находятся на летних каникулах. Тем не менее, я не думаю, что во время последних оставшихся учебных дней вам следует почивать на лаврах. И поэтому вы все можете написать эссе на тему, чего вам больше всего хочется в будущем. Выполните это индивидуальное задание и отдайте мне завтра. Достаточно будет объема в три тысячи шестьсот знаков. Можете начать прямо сейчас.

Единодушный стон эхом прокатился по классу, и я бросила быстрый взгляд на место рядом с собой. Питер в тот же миг вздрогнул и закатил глаза. Я улыбнулась и достала из рюкзака блокнот. Когда я его вытащила, из него тоже выпали два толстых черных паука и принялись лихорадочно сновать туда-сюда. Как всегда, никто не реагировал и не вскакивал

² Ниже 60 % в американской системе образования означает неудовлетворительно.

с визгом. Бывали дни, когда мне хотелось, чтобы Корди не жевала со скучающим видом карандаш, а вместо этого заметила бы, что на ее левом плече сидит паук.

Или чтобы Питер, наконец, продемонстрировал реакцию, когда одна из тварей заползала ему прямо за воротник рубашки. Но ничего не происходило. Никогда. Ни один человек ничего не замечал. Снова только я, содрогаясь, стиснула зубы, делая вид, что не чувствую щекотки на ноге, и стараясь дышать спокойно.

Рассеянно я открыла пустую страницу и уставилась на белый лист бумаги передо мной. *Давай, Элис! Ты можешь это сделать. У тебя всегда были хорошие оценки по английскому.*

Липкими пальцами я взяла ручку и начала писать:

«Меня зовут Элис Солт, и на будущее я желаю себе больше не быть сумасшедшей».

Проклятье. Вздохнув, я опустила голову. Очень, очень здорово.

Толчок в спину напугал меня, и я обернулась. Корди сидела позади меня, опустив ручку, которой она меня ткнула, и приподняв брови. Потом на мою парту приземлились бумажка. Быстро оглянувшись, я убедилась, что миссис Грейсон занята у доски, после чего развернула оторванную бумажку и попыталась расшифровать каракули Корди.

«И? Ты сделала это? Ты прошла?»

Не глядя на нее, я покачала головой. Корди испустила вздох.

Послышался треск отрываемой бумаги, затем быстрый скрип ручки, и очередная бумажка приземлилась передо мной.

«Не-е-е-т! О господи, Элис! Мне так жаль!»

Я обернулась, бросила на нее печальный взгляд и приказала себе не разреветься. Корди состроила сочувственную гримасу, а потом написала:

«Как думаешь, ты все равно сможешь поехать со мной в лагерь чирлидеров?»

Я сделала глубокий вдох, написав под ее сообщением:

«Нет, скорее всего, нет».

И протянула ей записку. Несколько секунд спустя пришли ответные каракули:

«Держись. #такжаль, мы поговорим позже, ладно?»

Я только кивнула, нервно ожидая звонка с урока.

Мои одноклассники устремились из класса еще до того, как у миссис Грейсон появилась возможность поправить очки.

– Эй, Элис, с тобой все в порядке?

С комком в горле я глянула на Питера, который неловко топтался рядом со мной, теребя волосы. Все было бы намного проще, если бы он был обычным придурком, бросившим меня в ту секунду, когда я, крича, как сумасшедшая, выскочила из леса шесть месяцев назад. Но нет, после этого он по-прежнему хотел быть моим другом.

В конце концов, именно я отказалась от дружбы. Мне казалось неэтичным возобновить все с Питером, несмотря на то, что я постоянно находилась на грани нервного срыва. К сожалению, Питер был таким хорошим парнем, что продолжал по-доброму ко мне относиться, как бы странно я себя ни вела. При этой мысли у меня на глаза снова навернулись слезы. Я сдержала их.

– Все нормально. Увидимся на тренировке, – буркнула я и послала ему вынужденную улыбку.

– Хорошо, – пробормотал он, все еще не решаясь идти дальше.

– Пошли уже, длинный. У Элис разговор с миссис Грейсон. Мы подождем вас снаружи, хорошо? – Корди схватила его за воротник рубашки и потащила на улицу.

– До встречи! – Он помахал мне на ходу.

Я хотела было ответить таким же жестом, но моя рука замерла в воздухе, когда я увидела, как по его груди ползет паук размером с ладонь.

– Ты очень бледная, Элис. – Голос миссис Грейсон заставил меня испуганно вздрогнуть.

Моя рука упала обратно на стол, и я поспешила захлопнуть блокнот. «*Я справилась?*» – нервно спросила я себя, заправляя прядь волос за ухо. «*Да, наверное*», – ответила я сама себе до того, как это смогла сделать миссис Грейсон.

– Я не осилила этот год, не так ли?

Миссис Грейсон вздохнула и прислонилась к моему столу. Потом поправила очки, озабоченно посмотрев на меня.

– Боюсь, нет, Элис. И я не могу понять такое стремительное снижение твоих оценок. Если посмотреть в твоё досье, видно, что в начале года ты была в числе лучших. Но теперь твои низкие оценки уже не исправить. Мне искренне жаль тебя, – на мгновение между нами воцарилось молчание. Я сосредоточилась на своем дыхании.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

– Что мне теперь делать? Я должна остаться на второй год? – наконец выдавила я.

Миссис Грейсон сжала губы, покачав головой.

– Мы постараемся избежать этой крайности. Знаешь, Элис... в свои светлые моменты ты проявляешь настоящий талант, и это мне импонирует. Я не знаю, что с тобой про-

исходит, и прекрасно понимаю, что лучше не пытаться ответить на все возникающие у учеников вопросы. Но я хочу, чтобы ты знала, что в случае проблемы – учебного или личного характера – ты всегда можешь обратиться ко мне.

– Это очень любезно с вашей стороны, миссис Грейсон, но мне не нужна помощь, – тихо сказала я. В тот же миг по моей руке пробежал паук.

Миссис Грейсон нахмурилась.

– Помощь иногда приходит не потому, что она нужна, а потому, что ты позволяешь себе помочь, Элис. Но пока ты не будешь со мной откровенна, я не вижу смысла больше тебя терзать. Но мое предложение остается в силе.

– Что мне нужно сделать, чтобы перейти в выпускной класс? – задала я единственный вопрос, ответив на который она действительно могла мне помочь.

Миссис Грейсон положила передо мной глянцевую брошюру.

– Я поговорила с директором Дженкинсом о твоем деле, и мы оба согласны с тем, что ты заслужила поддержку. Полагаю, о школе Честерфилд ты слышала?

Я взяла брошюру и уставилась на красовавшийся на ней герб. На нем был изображен черно-белый ворон, гордо восседающий на короне. Фон был белым.

Дрожь пробежала по моей спине, и на этот раз она не имела ничего общего с пауками.

– Да. Честерфилд – одна из здешних частных школ, – ска-

зала я и подняла глаза. – Чем это мне поможет?

Миссис Грейсон сложила руки.

– Директор Честерфилда – мой старый знакомый. Я поговорила с ним, и он готов позволить тебе наверстать упущенное на летних курсах интерната. По всем предметам, в которых ты провалилась.

Я позволила замершему в легких воздухе вырваться на свободу.

– Это очень щедрое предложение, миссис Грейсон, но я не думаю, что мы можем позволить себе дорогую школу, – нерешительно возразила я. Я даже не осмеливалась развернуть брошюру и посмотреть, какая сумма там может значиться.

Миссис Грейсон наклонила голову, протянула руку и постучала ухоженными ногтями по моей парте.

– Для тебя Честерфилд готов снизить обычную цену. Это своего рода... стипендия. Остаток за проживание и питание я записала в брошюре. В остальном школа поставила только одно дополнительное условие, а именно: на каникулах ты будешь жить в интернате, как и все другие летние ученики. Передай маме брошюру, и спокойно обсудите это с ней. Я вам еще позвоню. Так или иначе, я убеждена, что Честерфилд может предоставить тебе наилучшие шансы как можно успешнее все наверстать. Обучение там на высшем уровне, методы индивидуальны и адаптированы к каждому ученику и его потребностям. Я уверена, тебе там будет комфортно.

Между нами опять повисла тишина. Паук на ноге миссис

Грейсон свалился и с глухим звуком упал на пол. Холодными пальцами я сложила брошюру и сунула ее в задний карман джинсов.

– Благодарю. Я поговорю об этом с мамой и сообщу вам.

– Сделай это, – сказала миссис Грейсон, непривычно дружелюбно улыбаясь мне. – Желаю тебе хорошего дня, Элис.

Я пробормотала в ответ что-то неопределенное, перекинула рюкзак через плечо и выскользнула из душного класса. С тихим щелчком дверь за мной закрылась на замок.

– Ну, наконец-то! Я уже думала, что Грейсон никогда не перестанет топтаться по твоим ушам. – Корди оттолкнулась от стены и притянула меня в крепкие объятия, в которые я позволила себе упасть.

– Как ты? – прошептала она.

– Жизнь меня поимела, – честно пробормотала я, вдыхая знакомый сладковатый аромат ее духов.

– Мне нравится, когда ты становишься вульгарной, – усмехнулась Корди, прежде чем отпустить меня.

Питер стоял рядом и, моргая, смотрел на меня.

– Как все прошло? – озабоченно спросил он.

– Да, что сказала Грейсон? – потребовала Корди, когда мы вышли из школы и направились через внутренний двор к спортивной площадке.

Вздохнув, я поудобнее поправила рюкзак и пнула камешек на раскаленной мостовой.

– Я должна наверстать упущенное в Честерфилде, – под-

вела я итог разговору.

Корди и Питер синхронно раскрыли рты.

– Честерфилд? *Честерфилд?* – спросила Корди тонким от волнения голосом.

Питер сgrimасничал.

– У них там есть летние курсы?

– Чего у них там только нет, – бросила Корди, прежде чем я успела хоть что-то сказать. В ее карих глазах зажглись огоньки, а у меня начались спазмы в желудке.

– Успокойся, Корди. Во-первых, еще не ясно, действительно ли я попаду туда, а во-вторых, это летние каникулы. Большинство учеников будут дома.

– Совершенно не важно, – восторженно отмахнулась она, глядя на меня. – Я не знаю никого, кто видел хоть одну из частных школ изнутри. Внутренние правила там должны быть строже, чем в Букингемском дворце!

Вздохнув, я закатила глаза.

– Да точно, именно это меня и привлекает.

– Если ты туда отправишься, у тебя останется возможность перейти в следующий класс? – продолжал расспрашивать Питер.

– Я бы сделала все, чтобы не остаться на второй год, – прошептала я и почувствовала, как все мое тело напряглось от решимости.

Пока я произносила это, до меня дошло, насколько все серьезно. Мне очень хотелось, чтобы меня перевели, даже если

для этого придется просидеть целое лето в классе, полном богатых снобов. А может быть, *только может быть*, благодаря летним курсам я смогу выяснить, что со мной происходит. Поскольку у обоих интернатов общая территория, в Честерфилде я, возможно, и добралась бы до этого Хока. Он тоже видел пауков и поэтому был единственной зацепкой, которая у меня была. Пусть даже совсем маленькой зацепкой.

Мы прибыли на спортивную площадку, и Питер исчез в раздевалке для мальчиков, в то время как мы с Корди по соседству надевали нашу форму чирлидеров. Однако мысли мои крутились только вокруг Честерфилда – так же, как и у Корди, которая, ухмыляясь, шепнула мне:

– Когда ты окажешься в Честерфилде, ты ведь сумеешь меня туда привести? Так я, может быть, смогу заработать еще несколько очков.

Вздыхнув, я подобрала волосы и повернулась к ней.

– Корди, ты будешь в тренировочном лагере. Поверь, я в любой момент поменялась бы с тобой местами, если бы могла. Все-таки в следующем учебном году мне на тренировках придется наверстывать все, что я пропущу этим летом, не поехав в лагерь!

Выражение лица Корди изменилось. Уголок ее рта совершил еле заметное движение, будто бы она прихватила зубами щеку изнутри. При этом она начала теребить подол своей светло-голубой юбки.

– Да, что касается этого, я все равно хотела поговорить с тобой, Элис.

Я внимательно посмотрела на нее.

– Дело в том, что после той вечеринки я чувствую, что с тобой что-то не так, – нерешительно начала Корди, в то время как ее взгляд нервно скользил по моему лицу. Мне показалось, что уголком глаза я вижу нечто, снующее по земле. В ужасе я начала сжиматься всем телом, пока не заметила, что это всего лишь тень помпона.

– Видишь, именно это я и имею в виду, – Корди беспомощно пожалала плечами. – Похоже на то, как будто ты боишься собственной тени. Ты выглядишь в последнее время такой...

Психически нездоровой? Отчаявшейся? Напуганной?

– ...рассеянной, – заключила она, почти с жалостью глядя на меня.

– Ничего страшного, – тихо сказала я. О том, что произошло в тот день, я никому не рассказывала. Только, к сожалению, слухи, которые циркулировали с тех пор, как я, крича и хлопая по себе руками, выскочила из леса, не утихали. Корди уже несколько раз пыталась поговорить со мной, но что я должна была сказать ей, не выглядя при этом совершенно безумной?

Мы вышли на спортивную площадку, где ребята уже подкидывали мячи. Я отошла от Корди и приступила к первым упражнениям на растяжку.

– Я тогда слишком много выпила. Вот и все, – сказала я, стараясь не встречаться со скептическим взглядом своей подруги.

Молча меняя ноги, я почувствовала приятное тянущее напряжение в мышцах. Как можно более спокойно я выдерживала испытующий взгляд Корди, пока она с шумом не выдохнула. Ее голос звучал обеспокоенно.

– Как скажешь. Хотя я по-прежнему считаю, что там произошло нечто большее, чем ты хочешь признать, но, если ты не готова говорить об этом, хорошо. Твое дело.

– Спасибо, – буркнула я и встала на мостик. Мой позвоночник хрустнул – я действительно слишком долго не тренировалась. Быстро встав в стойку на голове, я принялась наслаждаться тем, как у меня в ушах шумит кровь, а тело доходит до пределов своих возможностей.

– Гм, Элис, если честно, есть еще кое-что, что мне нужно с тобой обсудить, – сказала Корди, которую я видела теперь стоящей вверх ногами.

– Что случилось? – Пошатываясь, я оттолкнулась руками и снова поднялась на ноги.

Корди прикусила нижнюю губу.

– Послушай, я очень рада, что ты можешь отправиться в Честерфилд, чтобы наверстать упущенное, но если ты не поедешь со мной в лагерь, то не сможешь присутствовать на чемпионатах в следующем году... – Последнее она пробормотала так тихо, что я понадеялась, будто ослышалась.

Я недоверчиво уставилась на нее. Внутри образовалось чувство, что подо мной разверзлась пропасть, и я падаю. Все ниже и ниже, прямо в никуда.

– Ты отправишь меня на скамью запасных? – недоверчиво уточнила я.

В моей груди застучало. Корди виновато посмотрела на меня.

– Это было не мое решение, – быстро перебила она. – Тренер тоже заметил, что в последнее время ты не в лучшей форме, и слегка вышла из строя.

Я открыла рот, снова закрыла его и кивнула.

– Прости. Я сама не хочу, чтобы кто-то пострадал из-за меня, – прошептала я. – Я пытаюсь собраться.

Корди избегала смотреть мне в глаза.

– Это я знаю, но для твоей и нашей уверенности, возможно, действительно будет лучше, если в следующем году ты временно выйдешь из команды.

– Но... – продолжала я, однако она отрывистым движением руки перебила меня.

– Все уже решено, Элис. Энджи заменит тебя. Тебе первым делом надо заняться собой. Мне очень жаль, но мы не можем пойти на такой риск. Особенно если хотим выиграть чемпионат.

Слова висели между нами, словно ледяной воздух. Я уставилась на свою лучшую подругу и почувствовала, как у меня защипало в глазах. *О нет, не здесь, не сейчас.* Судорожно

моргая, я отвела взгляд, пытаюсь сглотнуть плотный комок в горле.

– Ладно, – выдавила я.

Корди потеряла переносицу и тяжело вздохнула.

– Мне очень жаль, Элис, я не хочу...

– Ладно, – на этот раз я перебила ее и отвернулась, чтобы она не видела, как заблестели мои глаза. – Я все понимаю, – только и пробормотала я и вышла на середину лужайки, где уже начиналась тренировка.

Я встала рядом с Энджи, бросившей на меня знающий взгляд, который я проигнорировала. Корди скомандовала, и мы начали вставать в строй, одна за другой, чтобы собраться в одну большую шеренгу. Мы полгода активно тренировались, и каждое движение, каждый прыжок были отработаны идеально – по крайней мере, у других участников. Больше не нужны были спортивные коврики, чтобы смягчить ошибки и падения. Каждый знал, что ему делать, и во мне с каждым сальто росла решимость доказать всем, что я тоже это знаю. Когда заиграла музыка, мои мышцы заработали. Пока все девушки двигались, мой взгляд фиксировался на одной точке, когда я взлетала и делала очередное сальто. Мир переворачивался и возвращался назад. Воздух выходил из легких, когда я делала колесо и потом плавно вставала на ноги.

– Хорошо, Элис, – крикнула мне Корди и показала поднятый вверх большой палец.

Я сделала глубокий вдох и сосредоточилась на последова-

тельности движений следующего упражнения. Энджи и Клаудия встали передо мной, вцепившись в руки друг друга, и подали мне знак. Я подпрыгнула, приземлилась ногами на их ладони и почувствовала, как они подбрасывают меня вверх. Бросок был идеальным, и, напрягая мышцы живота, я сделала сальто назад. При приземлении я слегка пошатнулась, но вовремя выпрямилась и, тяжело дыша, встала на ноги. Конечно, можно было сделать это лучше. Я посмотрела на Корди, но та стояла к нам спиной, координируя другую тройку. Вздохнув, я сделала несколько шагов вперед на руках, прежде чем опуститься, перевернуться и снова встать на ноги.

– У тебя все это выглядит так легко.

Я подняла глаза наверх. Питер стоял рядом со мной с футбольным мячом и шлемом под мышкой и улыбался. На его штанах красовалось пятно от травы.

– Спасибо, мне нравится это делать, – сказала я и улыбнулась ему. Что бы я делала без Питера?

Он смущенно почесал голову и выглядел так, словно хотел что-то сказать.

– Слушай... Корди уже говорила с тобой? – наконец тихо пробормотал он.

Я рывком расправила плечи.

– Что именно ты имеешь в виду?

– Ну, что с ней и...

– Питер! – Лающий голос футбольного тренера эхом раз-

неся по лужайке. – Если ты хочешь заниматься гимнастикой, тебе нужно надеть колготки и юбку. Двигай свою задницу сюда!

Питер махнул рукой, мол, сейчас придет, и одарил меня еще одним смущенным взглядом.

– Гм, мы поговорим позже, хорошо? – сказал он.

Я кивнула и с тяжелым чувством наблюдала, как он уходит.

– Эй, Элис, давай выполним стойку с сальто, – обратилась ко мне Энджи.

– Да, конечно, – рассеянно сказала я, встала на место и стала ждать, пока девушки подготавливали мне возможность сделать упражнение.

Я взяла короткий разбег и запрыгнула на плечи Энджи. Быстро восстановив равновесие, подождала, пока Энджи встанет, потом выпрямилась и подняла руки. Затем я подпрыгнула. Делая глубокий вдох, я почувствовала что-то на своей ноге. Когда я глянула вниз, то увидела длинные тонкие паучьи ноги, которые карабкались вверх по мне, исчезая под юбкой. Я ругнулась, дернулась и неправильно распределила вес. Энджи вскрикнула, падая. Другая девушка рядом с нами быстро протянула руку и успела подхватить Энджи, пока я летела вниз.

На секунду мир остановился, потом я с силой шлепнулась на спину. Колющая боль пронзила грудную клетку, из легких вылетел весь воздух. Пронзительный свист донесся от

тренера и через мгновение повторился у меня в ушах.

– Элис! – Надо мной возникло озабоченное лицо Корди. Беспокойно моргая, я продолжала разглядывать черные пятна перед глазами.

– Элис, как ты, все в порядке? – запыхавшись, спросила Энджи.

– Оу, – только и вымолвила я, задыхаясь и покачивая головой. Она слегка подрагивала, но, похоже, ничего страшного не произошло. Руки и ноги по-прежнему работали, когда я со стоном села.

– Это выглядело жестко, – пробормотала Корди, оценивающе глядя на меня. – Очевидно, ты должна немного отдохнуть.

Я подняла глаза и заметила, что девушки стоят вокруг меня и обеспокоенно разглядывают. Я знала, о чем они думали. Это был третий несчастный случай за несколько недель, и теперь недоверие к моим способностям становилось важнее, чем беспокойство о том, не ушиблась ли я. Увидев отрешенное выражение лица Корди, я окончательно поняла, что она не шутила. Она отправляет меня на скамью запасных. Я не просто «должна немного отдохнуть». Тренировки для меня закончились. Официально.

– Ладно. Прости, Энджи, – сказала я, игнорируя руку Корди, протянутую мне для помощи, и вставая с дрожащими коленями.

Я направилась вперед через все спортивное поле, не об-

ращая внимания на сопровождающий меня шепоток, чтобы укрыться в тени зрительской трибуны. Нижняя ее часть была размалевана уродливыми граффити, и рядом немного пахло куревом. Но я все равно прислонилась к скрипучим деревяшкам и закрыла глаза.

Почему?

В отчаянии я стукнулась затылком о трибуну. Что я такого сделала, чтобы заслужить все это?

– С тобой все в порядке?

Испуганно вздрогнув, я открыла глаза. В тени трибуны сидел на корточках какой-то парень, и склонив голову, смотрел на меня. В его руке горела сигарета, конец которой загорелся красным, когда он сделал затяжку.

Но меня заставил отпрянуть от него не этот тяжелый запах, а увиденные пауки. Они кишели на земле, как тараканы. И среди всей этой суматохи парень сидел и совершенно невозмутимо курил. Вообще-то мне хотелось развернуться на каблуках и исчезнуть, но что-то удержало меня. Какая-то мысль, какое-то чувство...

– Я знаю тебя, – тихо произнесла я. – Ты же тот парень с вечеринки в лесу. Тот, что был на мотоцикле.

Он поднял глаза, и солнце осветило его темные глаза и резко очерченные скулы. Наши взгляды встретились. В этот миг я уже ничего не чувствовала, кроме бешено бьющегося сердца. Даже пауки отступили на задний план.

– А ты – та девушка с вечеринки, – отозвался он, выпус-

кая дым, так что я не смогла разглядеть выражение в его глазах. – Ты плачешь? Выглядит очень похоже, – продолжал он с мягким интересом.

– Нет, не плачу, – быстро сказала я, подавляя позыв вытереть влажные глаза. – И даже если так, это не должно тебя касаться, не так ли?

– Нет, вероятно, нет. – Его голос звучал низко и хрипло, и у меня по спине пробежала дрожь. У него был легкий французский акцент, который смешивался с тяжелым выговором западных штатов. Он напомнил мне акцент Каджуна, который мне часто приходилось слышать в Луизиане.

– Тогда что ты здесь делаешь? – спросила я раздраженно и немного подозрительно.

– До этого момента? Курил. А прямо сейчас беседую с плачущей болельщицей.

Почему-то я не могла избавиться от ощущения, что он издевается надо мной. Я невольно фыркнула и скрестила руки на груди.

– И часто ты так делаешь?

– У меня сегодня день рождения, – объяснил он. – А в свой день рождения я могу позволить себе все, что захочу, не так ли?

– Да, ясно... Поздравляю, – недовольно ответила я ему и этой ситуации в целом.

Он соорудил гримасу.

– Благодарю.

– Но если у тебя день рождения, то что ты делаешь здесь, под трибуной средней школы? – пробурчала я. Позади себя я услышала, как Корди окликнула меня, но я ее проигнорировала.

– Здесь так восхитительно спокойно. Так... нормально. И в мой последний день на свободе мне хотелось увидеть что-то нормальное и сделать вид, что я – часть этого. – Парень сделал последнюю затяжку, прежде чем притушить окурок о землю.

Пауки отпрянули от его руки, словно боялись его. *Какого черта?*

– Ты довольно... странный, – смущенно сказала я.

Парень улыбнулся и нехотя встал. Несколько пауков быстро поползли в сторону, уступая ему место, но он совершенно не отреагировал. Абсолютно никак.

Я инстинктивно отпрянула. Пауки сопровождали его, как хорошо выдрессированные собаки, издавая при этом щелкающий и попискивающий звук, который казался мне саундтреком ко всем моим кошмарам. Кошмарам, в которых этот тип, видимо, будет играть новую главную роль.

Чуть впереди меня он замер и остановил взгляд на моих плечах. Черная прядь волос выбилась из-под его капюшона.

– Я здесь не единственный странный, – сказал он совсем тихо, словно нас двоих связывала какая-то тайна. Произнося это, он взял меня за руку и провел большим пальцем по ее тыльной стороне. Я почти почувствовала, как что-то ползет

по моей коже. Затем небрежным движением он скинул с моего плеча паука.

– Береги себя, малышка.

Он уже прошел мимо меня на спортивную площадку, когда я в шоке осознала, что он только что сделал.

Словно парализованная, я уставилась на свое плечо, потом на паука, молниеносно скрывающегося в траве. Он дотронулся до паука! Это означало... это означало, что он должен был его видеть!

– Подожди! Подожди! – заорала я ему вслед и выбежала из-под трибуны на спортивную площадку.

Я в панике вертела головой, но парень пропал. Но ведь он не мог исчезнуть просто так!

– Эй, где ты? – взывала я, но в этот момент кто-то крепко схватил меня за запястье и придержал.

– Элис, – услышала я настойчивый голос Питера.

– Питер, что такое? Пожалуйста, отпусти меня. Я должна пойти за этим парнем!

– Элис! Не могла бы ты прекратить говорить с воздухом? Остальные уже пялятся на тебя, – сквозь зубы процедил Питер.

– Что? О чем ты говоришь? – Я растерянно посмотрела на него, потом скользнула взглядом по спортивной площадке. Ошеломленная, я замерла. На меня уставились все, кто там был.

– Неужели ты его не видел? – Я и сама слышала, как отча-

янно звучал мой голос. *Как у сумасшедшей*. – Парень в балахоне! Он же только что ушел отсюда!

Я снова попыталась высвободиться, но пальцы Питера уже почти до боли впились в мое запястье.

– Там ничего нет, Элис. Прекрати! Пожалуйста.

Люди начали шушукаться. Некоторые из девушек хихикали, а Корди смущенно отворачивалась.

– Я... ты... но ты должен быть видеть его, он стоял прямо передо мной, – настаивала я. Но Питер медленно покачал головой. Дрожь прошла по всему моему телу.

– Иди к медсестре, Элис, ты наверняка ударилась головой при падении. – Неистово пульсирующая жилка на шее сводила на нет его притворно спокойный тон.

Я моргала, пытаясь очнуться от нового кошмара. Но чем дольше я так стояла, тем реальнее становилась ситуация. Взгляды окружающих вызывали у меня румянец стыда и жгли так неприятно, что я чувствовала, будто корчусь в собственной, ставшей слишком тесной, коже. Но более того – моя рука начала гореть там, где ко мне прикоснулся незнакомец.

– Я... – начала я, но одного взгляда на лицо Питера было достаточно, чтобы заставить меня замолчать. Его челюсть напряглась, в глазах мелькнуло то же выражение, что и раньше у Корди, хотя он сильнее старался это скрыть.

– Ты прав. Я должна уйти, – пробормотала я.

Плечи Питера с облегчением расслабились, когда он мед-

ленно отпустил меня.

– Вот и хорошо. Тебя проводить? – В его голосе слышалась нервозность.

– Нет. Нет, в этом нет необходимости. Я... гм... пошла, – пробормотала я и убежала с лужайки с ужасным чувством дежавю. Только на этот раз я убегала от людей, а не от галлюцинаций.

Глава 4

Поскрипывая подошвами, я побежала по школьному коридору. Свою обычную одежду я оставила в раздевалке, и поскольку на мне по-прежнему была короткая светло-голубая юбка болельщицы, в мою сторону слышалось несколько непристойных свистков. В обычной ситуации мне было бы неприятно, но сейчас я на это наплевала.

Искусственный потолочный свет отбрасывал мою искаженную тень на ряды закрытых шкафчиков. Белокурый хвостик качался из стороны в сторону, когда я забежала в ближайший туалет для девочек и бросилась в заднюю кабинку. С тихим щелчком дверь за мной закрылась.

Успокойся, Элис, все будет хорошо. Все это просто какое-то недоразумение. Ты не сумасшедшая!

Собравшись, я набрала кислорода в легкие, села на откинутое сиденье унитаза и закрыла лицо руками.

Не бывает говорящих кошек.

Никаких черных пауков повсюду.

Нет мальчиков-невидимок.

Я не сумасшедшая.

Все это просто долгий, долгий кошмар.

С каждым новым вдохом я повторяла свою мантру, пока напряжение внутри меня не утихло. Пахло вонючим лимонным чистящим средством и дешевым мылом, но я все же за-

ставила себя продолжать глубоко дышать до тех пор, пока сердцебиение не успокоилось. Холодный пот выступил у меня на лбу, когда я опустила руки и устоялась на дверь кабинки.

Одно из высказываний, украшавших дверь, принадлежало Корди. Я до сих пор помнила в деталях, как год назад она, зареванная, разъяренная и вооруженная маркером ворвалась сюда. С тех пор над дверной ручкой ярко-красным было написано: «*Макс – вун и задница*». Было нечто успокаивающее в перечитывании этих надписей.

Они были такими... простыми, обычными проблемами обычных людей.

Мой взгляд переместился влево и остановился на каракулях, которые выглядели уже немного старше. Кто-то нарисовал широкий ухмыляющийся рот, под ним было накарябано сиреневым цветом: «*Все мы безумны в Фокскрофте³*». Мои руки судорожно ухватились за подол короткой юбки, и я испустила дрожащий вздох.

Это и впрямь было так? Я действительно собиралась сойти с ума, или всему этому имелось, в конце концов, какое-то логическое объяснение? Боже, как я на это надеялась. Должна ведь существовать возможность отыскать ответы на мои вопросы. Может быть, все-таки пришло время довериться

³ «We're All Mad Here» – знаменитая фраза чеширского кота из сказки «Элис в стране чудес». Её можно перевести как: «Все мы здесь безумны» или «Мы все здесь сошли с ума».

кому-то. Образ озабоченного и одновременно пристыженно-го выражения лица Питера вспыхнул перед моим внутренним взором и тут же заставил меня снова отчаянно уткнуться лицом в ладони.

И что ему теперь оставалось думать обо мне? Что они все должны были обо мне думать? И почему они не видели этого парня? Он же стоял прямо передо мной, и существовал только один путь, ведущий с трибуны: через спортивную площадку. Я не выдумала его, мое воображение не могло быть настолько детальным!

Скрип двери заставил меня испуганно съежиться. Я невольно задержала дыхание.

– О, слушай, это было сильно. – Это был голос Энджи. Из-под широкой щели кабины я увидела ее кроссовки, она остановилась перед умывальниками.

– Да, я тоже больше не знаю, что мне с ней делать.

Аромат духов Корди врезался мне в нос, а ее белые кроссовки появились рядом с Энджи. Было слишком поздно, чтобы признаться, что я здесь, избежав при этом неловкости. Поэтому я тихонько подтянула ноги и прижалась к крышке унитаза.

– Это и правда выглядело так, будто она бежит за призраком, – сказала Энджи.

– Я беспокоюсь о ней. Элис... – Корди замолчала.

– Что?

– По-моему, у нее проблемы с психикой, – сказала Корди

и вздохнула.

Возбужденный смех Энджи эхом отразился от кафельных стен.

– Когда она пронеслась мимо меня, я подумала, что она узнала про меня с Питером, – пробормотала Корди.

Мои глаза расширились, в животе возникло странное чувство. Это напоминало момент, когда человек споткнулся и начинает падать. Этот короткий миг, когда он осознает, что больше не может предотвратить неизбежное падение и сопутствующую боль.

– Она что, все еще не знает? – прошептала Энджи.

Корди выдавила недовольным тоном:

– Что я должна сделать? Пойти к психически неуравновешенной подруге и сказать: *«Кстати, мы с Питером вместе с тех пор, как ты бросила его и разбила ему сердце. Спасибо за это, а теперь, пожалуйста, не свихнись!»*.

Мои руки судорожно сжались вокруг коленей, а взгляд остановился на каракулях.

– Вы все равно должны ей сказать, – вмешалась Энджи. Она в волнении шаркала туда-сюда по полу подошвами. – Вы ведь подруги, разве нет?

– Черт возьми, оставь это, Энджи. Если Питер не хочет ничего говорить, потому что так беспокоится о ней, я сделаю ему одолжение. Следующие несколько месяцев Элис все равно будет в Честерфилде. Если после этого ей станет лучше, мы расскажем.

Энджи издала встревоженный вздох и больше ничего не сказала, а в следующее мгновение я услышала, что они обе ушли. Дверь за ними захлопнулась.

Я сглотнула. В ушах стоял какой-то жесткий, оглушительный шум.

Медленно поднявшись, я протянула руку и, наконец, толкнула дверь, которая с тихим скрипом отворилась. Я устояла на пустую уборную. На плитки, которые выглядели желтыми от искусственного потолочного света. На водопроводный кран прямо передо мной. Висящая капля вяло оторвалась от серебряного крана и упала вниз.

Кап.

Кап.

Кап.

Мои движения выглядели деревянными, когда я вышла из кабины и полностью завернула кран. Капель затихла, оставив меня в гнетущей тишине. Тогда я поняла, что в жизни есть вещи похуже, чем галлюцинации. *Реальность, например.*

Ведь все это вовсе не было игрой воображения.

Глава 5

Раздевалка пустовала, когда мне, наконец, удалось вернуться и переодеться. Проверив телефон, я обнаружила три пропущенных звонка и четыре sms, все от мамы. Я даже не стала прослушивать автоответчик, потому что последнее присланное сообщение наверняка суммировало все остальные в нескольких словах:

«Нам есть, о чем поговорить, юная леди. Приезжай в участок! Мама».

Если бы я не чувствовала такого нежелания встретить кого-то из школьников, бывших свидетелями того, что случилось на спортивной площадке, я бы еще немного помедлила, чтобы отложить разговор с мамой.

Ноющее чувство в грудной клетке неуклонно нарастало, когда я вышла из раздевалки. От стен гулким эхом отражались мои шаги. Несколько учеников по-прежнему оставались возле своих шкафчиков и переговаривались вполголоса, перешептываясь и хихикая. Когда я проходила мимо них, по мне стало расползаться холодное, сдавливающее чувство.

Чувство, которое оставило у меня на языке мертвенный привкус. Это было *одиночество*.

Мне действительно было одиноко. Когда я в последний раз тусовалась с Корди или Питером после уроков и делала нормальные вещи, такие как планирование вечернего похода

в кино? Мои шаги все замедлялись, пока я не остановилась окончательно.

Рядом со мной находилась открытая дверь класса. На доске мелом была нарисована клеточная мембрана. Свет надо мной едва заметно пульсировал – беспорядочное моргание, которое заставляло мою тень причудливо метаться по полу. Края моей тени закрутились, и из них выполз гигантский паук, крупнее любого другого экземпляра, виденного мной до сих пор. Тело было почти с мой сжатый кулак, его окружали танцующие тени, выглядевшие как взъерошенный мех.

Паук вздрогнул и уставился на меня огромными круглыми глазами. В ужасе я отпрянула, а паук в мгновение ока подбежал ко мне, уцепился своими длинными ногами и пополз по мне вверх.

Резкий крик вырвался у меня из груди, я инстинктивно бросилась бежать, и споткнулась о собственные ноги. Сильно ударившись, я шлепнулась на пол и при этом почувствовала, как мое лицо ощупывают длинные лапы. Меня охватил ужас. В панике я было завертелась, но ошеломленно застыла.

Паук сидел на моем левом плече. Он был так близко от меня, что я могла различить свое отражение в его глазах, и так велик, что я должна была бы почувствовать его вес, но он был легким, как воздух, и казалось, состоял всего лишь из колеблющихся теней.

Я уставилась на свое отражение в паучьих глазах, при этом мое сердце билось чертовски сильно, я могла чувство-

вать пульс даже на языке. Ждала, когда сбудется мой худший кошмар, и пауки набросятся на меня, похоронят под собой.

Но ничего такого не произошло. Эта штука на моем плече просто смотрела на меня, будто я была самым интригующим предметом, который она когда-либо видела в своей жизни. Взгляд паука был почти... ожидающим.

– Что... чего вы от меня хотите? – прошептала я.

Но паук продолжал молчать, и я заметила, как внутри меня что-то произошло: страх улетучился, и то, что в итоге осталось, было... гневом.

– Чего вы от меня хотите? – На этот раз я почти взревела. Тварь вздрогнула и испуганно отпрянула.

– Мне так надоело все время бояться, – наступала я. – Я допустила, чтобы вы терроризировали меня. Я потеряла все: свою жизнь, своих друзей, себя. Для чего все это? Я выясню, почему я вас вижу. И верну себе жизнь, даже если это будет последнее, что я сделаю! – Я подняла руку, и паук дернулся назад, а затем я сбросила его с плеча.

Когда, приподнявшись, я встала на ноги, у меня все болело, но в то же время чувствовалось облегчение. Словно лопнуло нечто, что копилось во мне со дня смерти отца.

– Мне надоело бояться, – тихо повторила я, и паук молниеносно отступил в мою тень. – Я не знаю, почему вы преследуете меня, или почему кто-то посылает вас ко мне, но скажи своим ползучим друзьям, чтобы они оставили меня в покое, иначе я растопчу каждого из вас.

Тяжело дыша, я поправила конский хвост и подняла рюкзак, который потеряла при падении. Затем заставила себя пойти дальше. Шаг за шагом. Большого я в любом случае сделать не могла.

Я вышла из школы и, открывая замок велосипеда, поклялась себе, что этим летом изменю свою жизнь, верну ее себе. Независимо от того, что потребуется сделать для этого. Потом забралась на велосипед и поехала.

Рюкзак ударил меня по спине, когда я проезжала мимо «Mills Inn Diner», где работала Корди. Мои пальцы вцепились в руль, и я прибавила ходу, проехала пиццерию и покатила по мосту реки Пискатакиз, разделяющей Фокскрофт на север и юг. На следующем светофоре я свернула в боковой переулок, где, помимо пожарной станции, находился и полицейский участок.

Еще на ходу я перекинула ногу через седло и спрыгнула. Здание из красного кирпича было, пожалуй, единственным во всем Фокскрофте домом с решетками на окнах. И даже здесь они казались лишними, поскольку уровень преступности в нашем городишке равнялся нулю.

Припарковав велосипед, за одним из решетчатых окон я смогла разглядеть Кея – мамино «непонятно что» и одновременно ее коллегу. Он был почти на десять лет моложе мамы, но отношения между ними всегда были какими-то необычными.

Я понятия не имела, были ли они лучшими друзьями, про-

сто коллегами или... ну, чем-то большим. Моя мама никогда не говорила об этом, и я решила не считать странным, что по утрам Кей иногда стоял у нас на кухне и точно знал, где найти апельсиновый сок.

Кей скучающе откинулся на спинку стула, листая газету и поедая пончик. Он поднял глаза в тот момент, когда я прислонила велосипед к стене, и помахал мне рукой с зажатым в ней пончиком. Неловко улыбнувшись в ответ, я вошла в кабинет шерифа.

Уже на пороге меня встретил запах кофе. Когда мы еще жили в Луизиане, мама работала в подсекции Департамента полиции штата и в основном проводила исследования по криминалистике. Когда мы переехали, она освоила работу шерифа. С тех пор она делила с Кеем работу по обеспечению спокойствия и порядка в Фокскрофте. Когда-то Кей признался мне, что даже став шерифом, она не могла отказаться от самостоятельного снятия отпечатков пальцев или поиска следов крови. Даже на таких пустяках, как украденные колпачки велосипедных колес. Моя мама была особенной женщиной.

Я прошла по узкому коридору и заглянула в открытый кабинет. Кей поднял глаза от газеты и улынулся мне.

– Привет, Элис. Как сегодня было в Стране чудес? – приветствовал он меня тем же изречением, что и всегда. Поговорка лучше не стала, в отличие от моего настроения.

– Привет, Кей.

Я вошла в кабинет и опустилась в кресло напротив него.

– Пончик? – предложил он, сунув мне под нос полупустую коробку. С благодарностью я взяла разноцветный глазированный крендель и укусила.

– Тяжелый день? – спросил он, наблюдая, как я за несколько секунд уничтожила пончик и схватила следующий.

– Хм... – только и смогла пробурчать я, потому что не знала, как лучше подвести итоги дня. Если только не назвать его, пожалуй, «самым дерьмовым, самым странным днем всех времен».

Кей отложил газету и пончик, внимательно изучая меня своими темными глазами.

– Если у тебя появилась проблема, тебе просто нужно прийти ко мне, ты ведь это знаешь, не так ли?

Еще до того, как я успела открыть рот, он поднял руки в боевой стойке и одарил меня улыбкой.

– Если какой-нибудь мальчик доставит тебе проблемы, ты сообщишь мне, договорились?

Уголки моего рта подрагивали, пока я запихивала себе в рот последний кусок второго пончика.

– Мама случайно не приставила тебя ко мне, чтобы выяснить, что со мной не так? – поинтересовалась я.

Кей немного переиграл с невинным выражением недоумения и небрежно пожал широкими плечами.

– Может, и так. Не вини ее. Она просто беспокоится о тебе. Трудно не заметить, что сейчас тебе не особенно хорошо.

– Я знаю. И собираюсь изменить это, – серьезно сказала я. Кей расслабился и кивнул.

– Ладно, я верю в тебя. Ты умная девочка, Элис. Ты приведешь все в порядок, я уверен. Парочку богатых снобов из интерната ты как-нибудь вытерпишь.

Он несколько неестественно подмигнул мне. Вздохнув, я и подперла рукой подбородок.

– Мама рассказала тебе о Честерфилде? Значит, она уже знает, – мрачно констатировала я.

Кей закашлялся в свой кофе.

– С тех пор, как позвонили из твоей школы, она только и делала, что бранилась, как кузнец.

– О, боже, – застонав, я закрыла лицо ладонями. – Я труп.

– Да нет, бог милостив, – с усмешкой заверил меня Кей.

Я услышала, как открылась дверь, и когда подняла глаза, мама стояла в дверном проеме и строго смотрела на нас. Ее модная короткая стрижка блестела золотом на солнце, а голубые глаза остановились на Кее. В руке она держала две коробки пиццы, откуда пахло салями и помидорами. Она откашлялась.

– Разве не ты хотел заботиться о наших запасах?

Кей беспомощно поднял руки.

– Хорошо, хорошо. Я хватаю свою пиццу и... пойду пересчитаю наручники, – сказал он, забрал у мамы одну из коробок и, насвистывая, исчез из кабинета.

Мама закрыла за собой дверь, и щелчок прозвучал, как у

захлопнувшейся ловушки. Я вздрогнула, когда она опустилась на освободившийся стул Кея. Коробку пиццы она поставила между нами, как разделительную линию, и в ее взгляде было нечто среднее между беспокойством, досадой и разочарованием.

– Как ты уже поняла, мне несколько часов назад позвонили из директората, Элис, – сказала она.

Мышцы шеи напряглись, и мне невольно захотелось опустить взгляд, свесить голову и тихо выругаться, но тут краем глаза я увидела паука, ползущего по полу. И еще одного... и еще одного.

Я проглотила свой страх, расправила плечи и посмотрела маме прямо в глаза.

– Мне очень жаль, – сказала я твердым голосом.

Мама моргнула.

– Я знаю, что твои оценки в этом году были не самыми лучшими, это бывает. Я тоже когда-то была подростком. Однако при этом я верила тебе, когда ты обещала, что еще получишь хорошие оценки. Итак... где ты свернула не туда? И почему?

Я смотрела на нее, не моргая.

– Не знаю, – просто ответила я.

Она вздохнула.

– Я никогда не вмешивалась в твои школьные дела, Элис. Ты прилежная и хорошо учишься. Как могло случиться, что тебе теперь придется посещать летние курсы?

– Многим приходится посещать летние курсы, мама.

Молчание распространилось по комнате. Единственный звук исходил от вентилятора над нами.

– Почему ты ничего не сказала? – наконец пробормотала мама.

Потому что у меня галлюцинации. Потому что я вижу то, что больше никто не может видеть. Потому что я веду беседы с людьми, которых нет. Потому что... потому что...

Мой рот приоткрылся. Я посмотрела маме в лицо и решила пойти коротким путем.

– Потому что мне было стыдно, – прошептала я.

Мама вздохнула.

– Неужели я должна ехать в Честерфилд? – тихо спросила я.

– Конечно, – сказала мама так же устало, как я. – Я уже поговорила с руководством школы. В конце этой недели я отвезу тебя туда. Они дали нам очень щедрую скидку, – пробормотала она, но по ее взгляду я могла понять, что даже сниженный тариф все-таки пошатнул наш бюджет.

– Если мы не сможем... – начала я, но была тут же прервана резким движением руки.

– наших сбережений для этого будет достаточно. Твое будущее важнее, чем новая машина, – сухо сказала она, глядя на улицу, где стояла старая «Тойота», которая выглядела такой же потрепанной, какой чувствовала себя я в течение уже

нескольких месяцев.

– Я сделаю все возможное, – решительно пообещала я ей.

И в мыслях поклялась себе, что изменюсь.

Мама улыбнулась. Напряженное выражение ушло, и появились ее привычные морщинки смеха вокруг глаз.

– Я это знаю, дорогая. Просто сделай мне одно одолжение.

– Хм?..

Она открыла коробку перед собой и схватила кусочек пиццы с тянущейся ниткой сыра.

– Руки прочь от богатых парней. От них одни проблемы.

Глава 6

– При следующей возможности, пожалуйста, развернитесь.

– Да, да, уже поняла, – пробормотала мама и раздраженно выключила Нави, которая, как и тогда, перед вечеринкой с Корди, уже около десяти минут утверждала, что мы пробираемся по кукурузному полю.

Полицейская машина гроыхала по выступающим корням, а дождь лупил по ветровому стеклу. Дворники изо всех сил старались сдвинуть массу воды в сторону. Склоняющийся под напором ветра лес становился все гуще.

Мама свернула направо, и теперь дорога стала узкой, но заметно лучше проторенной, а когда я посмотрела в окно, то увидела возвышающуюся между деревьями высокую стену из красного кирпича, у которой меня в свое время ждал Хок.

Мама на мгновение проследила за моим взглядом и заметила:

– Честерфилд и Сент-Беррингтон полностью обнесены этой стеной. В совокупности их территория занимает около пятисот акров леса и уже целую вечность находится в частной собственности.

– Ого, как много леса, – пробормотала я, пытаясь представить, сколько денег могло понадобиться, чтобы купить что-то настолько крупное, а затем владеть им так долго. Впро-

чем, было бы здорово, если бы они при этом лучше ухаживали за дорогами.

– Территория очень обширна и практически изолирована от внешнего мира. Так что не заблудись. Вероятность того, что я тебя там разыщу, крайне мала... – Мама засмеялась и отвернулась, потом бросила на меня взгляд и улыбнулась.

– Нервничаешь, мышка?

– Нет, – солгала я, вцепившись пальцами в ремень.

Мама приподняла бровь.

– Уверена?

– О, боже, да, я умираю от страха! Выпусти меня, я побегу назад, – заскулила я и зажмурила глаза, когда нас тряхнуло на очередном корне.

Мама рассмеялась и на мгновение оторвала левую руку от руля, чтобы погладить мое колено.

– Все будет хорошо, – заверила она меня.

– Да. Это катастрофа.

– Приключение, – поправила она меня, улыбаясь. – Ты попрощалась с Корди и Питером? Вы теперь долго не сможете увидеться.

Я сжала губы и пробормотала нечто такое, что она могла бы истолковать как да или нет. Мой взгляд остановился на пухлой сумке под ногами. На молнии раскачивался влево и вправо старый желтый тамагочи.

Последние школьные дни я избегала Корди и Питера. Наверное, было трусостью, что я не отреагировала на историю,

которую узнала в туалете, – *нет, это определенно трусость*. Но, в конце концов, это, возможно, было лучшим решением. Корди все это время избегала моего взгляда, а когда сегодня посмотрела мне прямо в глаза, то совсем побледнела. Я была почти уверена, что она «знает, что я знаю». Если мы все еще подруги, то, вероятно, все останется невыясненным, пока я не приведу мысли в порядок и не возьму на себя смелость сообщить об этом Корди.

Дорога стала шире, и чуть позже я смогла разглядеть за кронами деревьев башенки, торчащие ввысь, как у старого замка.

– Это Честерфилд? – спросила я заинтригованно, но при этом слегка испуганно.

– Да. А чего ты ожидала от элитного интерната, которому много веков?

– Ну, по крайней мере, бойниц тут нет! А в наказание здесь сажают в подземелье?

Мама рассмеялась, будто я не имела в виду ничего серьезного, и свернула на широкую стоянку, где было припарковано несколько дорогих машин.

Мы продолжали ехать по хрустящему гравию до огромных белых железных ворот, перед которыми мама остановилась и опустила окно.

– Честерфилд очень... европейский. Обычно, чтобы увидеть нечто подобное, нужно провести отпуск в Англии или где-то там, – пыталась она тем временем исправить мое пер-

вое впечатление об интернате.

Слева и справа от ворот тянулась высокая стена из красного кирпича. Мама нажала на кнопку звонка, после чего мы в волнении ждали, когда нам ответят. Мое желание выпрыгнуть из машины и сбежать обратно с каждой секундой росло. Сначала раздалось жужжание зуммера, затем из динамика под кнопкой звонка послышался женский голос.

– Добро пожаловать в Честерфилд. Чем я могу вам помочь?

– Добрый день, это шериф Солт. Я привезла свою дочь Элис на летние курсы.

– Минуточку, пожалуйста, – прозвучал ответ.

Мы обменялись удивленными взглядами. Ворота оставались закрытыми, позволяя мне рассмотреть герб с вороном на короне. Не знаю почему, но я покрылась гусиной кожей.

В следующий миг в динамике раздался треск, и тот же женский голос снова сообщил:

– Пожалуйста, проезжайте вперед.

Голос сопровождало жужжание, с которым створки ворот открылись. Нашему взору предстала аккуратная тропинка, выложенная белым гравием.

– Ну, тогда поехали, – сказала мама и нажала на газ. Судя по голосу, она нервничала не меньше меня.

Когда мы миновали ворота, я увидела с обеих сторон две статуи в натуральную величину. Обе были из белого мрамора. Левая изображала молодую женщину, державшую меч

в вытянутой руке. Волосы ее были так тонко вырезаны, что казалось, будто их разметал ветер. С другой стороны стоял строгий молодой человек. Его тонко очерченное лицо было выполнено из мрамора так же детально, как и у женщины. Они выглядели почти живыми.

– Мило, – сухо прокомментировала мама.

– Да, наверное, садовые гномы показались им скучными, – пробормотала я, пока мы ехали по подъездной дорожке.

Вдоль дороги тоже располагались белые статуи. Каждая из них была в натуральную величину и настолько детально проработана, что казалось, будто там стоят настоящие люди. Некоторые из них выгибались, а их лица были искажены болью. Другие выглядели почти по-королевски: подбородок гордо вздернут, и дождь стекал по их лицам, как слезы. Дорога была прямой, что делало общий эффект еще более впечатляющим. Я увидела статую девочки на вид не старше тринадцати лет. На ее губах застыла улыбка, глаза были закрыты, и выглядело так, будто она прислушивалась к чему-то, что могла слышать только она.

– Уже в течение нескольких поколений Честерфилды – известные скульпторы, – разьяснила мама, заметив, как я чуть не вывихнула шею, глядя вслед статуе, пронзившей себе грудь копьем.

– Не знаю, нравятся мне эти штуки или нет, – призналась я.

– Я тоже. Но все они очень впечатляющие. А, смотри, мы

прибыли.

Гравийная дорожка перед нами перешла в круговую площадь, в центре которой плескалась вода в фонтане. Рядом возвышался Честерфилд. Фасад из массивного серого камня больше напомнил мне церковь, чем дворец. Возможно, это впечатление возникало в том числе из-за большого круглого витражного окна на фасаде.

Мама припарковалась, выключила мотор и бросила на меня ободряющий взгляд.

– Все будет хорошо, и не позволяй себя запугивать. Те, кто живут здесь, тоже всего лишь люди, – мягко сказала она, сжимая мою руку.

– Знаменитые последние слова, – пробормотала я, заставляя себя отцепиться от мамы и выйти из автомобиля.

Холодный дождь начал хлестать меня по голове, и я поспешила вытащить багаж из машины. Пока я перекидывала через плечо ручку сумки, мама схватила мой чемодан на колесиках и поволокла его по гравию к подъезду. Три ступеньки, и мы оказались наверху. Современные двери из матового стекла автоматически раздвинулись при нашем приближении.

Бордовый ковер приглушал наши шаги, когда мы вошли во впечатляющий вестибюль Честерфилда. В первое мгновение я подумала, что оказалась в музее, а не в школе. Слева и справа на высоких стенах висели огромные картины маслом, а потолок был накрыт внушительным стеклянным ку-

полом. Прямо перед нами располагалась большая изогнутая лестница, ведущая наверх. В обе стороны от зала ответвлялись широкие коридоры, и повсюду были расставлены бюсты или другие предметы искусства.

Если не считать ненавязчивой классической музыки, доносившейся из скрытых динамиков, здесь было жутко тихо. Особенно если учесть, что мы находились в школе. Я попыталась представить себе, как здесь обычно ходят школьники, смеются, перебрасываются книгами в коридоре, и потерпела неудачу.

– Мама... – начала я, и тут мы услышали стук каблучков.

Потом мы увидели красивую, стройную женщину, спускающуюся к нам по лестнице. На ее лице играла приветливая улыбка. На ней была простая белая блузка и светло-серая юбка-карандаш. Под мышкой была зажата серая папка.

– Здравствуйте, я мисс Кросс, секретарь директора Честерфилда. Добро пожаловать в нашу школу. Вы, должно быть, шериф Солт, – сказала она, протягивая маме изысканную руку.

Мама улыбнулась и ответила на рукопожатие, и почему-то я гордилась тем, как мало на нее произвели впечатление элегантная мисс Кросс и вся эта атмосфера высшего общества.

– Да, это я. А это моя дочь Элис. – Она указала на меня, и мне пришлось пожать эту идеальную руку. Она была прохладной и сухой, и я боялась слишком крепко или наоборот, слишком вяло пожать ее. Ради бога, не вспотела ли я? Если

и так, мисс Кросс была достаточно вежлива, чтобы не вытереть руку о свою юбку без единой морщинки. Она только приветливо улыбнулась.

– Здравствуй, Элис. Я рада, что ты здесь. – Я кивнула, и мисс Кросс снова повернулась к маме.

– Вы можете не беспокоиться, шериф Солт. Ваша дочь будет у нас в хороших руках.

И снова обратилась ко мне:

– Я уверена, что очень скоро ты почувствуешь себя у нас как дома.

Когда я огляделась, мой взгляд остановился на больших люстрах.

– Как будто в нашей гостиной, – сухо заметила мама.

Я прыснула, но постаралась выдать это за кашель. Мисс Кросс приподняла бровь.

– Это весь твой багаж, или остальное еще прибудет? – вежливо поинтересовалась она, указывая на мой чемодан, который стоял позади мамы.

Он был розовый с цветами и выглядел дешево, даже крикливо в этой благородной обстановке.

– Нет, э... это все? – сказала я, сама не понимая, почему это прозвучало как вопрос.

– Чудесно! Я устрою тебе сегодня экскурсию по Честерфилду и покажу твою комнату перед тем, как отвести тебя на ужин. Надеюсь, ты быстро освоишься здесь.

– Я тоже на это надеюсь, – честно ответила я.

Мисс Кросс подмигнула мне.

– Все будет хорошо, – неожиданно тепло заверила она меня, прежде чем обратиться к маме. – Спасибо, что привезли сюда Элис, шериф Солт. Теперь я беру на себя ответственность за вашу дочь.

Мама выглядела так, словно не хотела, чтобы ее так просто отослали, но улыбка мисс Кросс недвусмысленно давала понять, что обещанная экскурсия по Честерфилду не будет семейной.

– Распишитесь здесь, – попросила мисс Кросс, протягивая маме раскрытую папку. – Ведь вы уже обсудили детали по телефону с директором Честерфилда, верно?

– Я... ну... хорошо. – Мама глубоко вздохнула и поставила свою подпись под бумагами. Потом она повернулась и крепко прижала меня к себе.

– Береги себя, ладно, мышонок? – прошептала она мне на ухо.

– Ладно.

– Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, мама. Не забывай меня, пока я буду тут, – прошептала я.

Она тихо рассмеялась.

– Никогда. Я уже считаю дни до твоего возвращения домой.

Мы оторвались друг от друга, и мама в последний раз обвела взглядом зал. Было ясно, что она чувствовала себя здесь

таким же инородным телом, как и я. Только ей разрешили уйти отсюда, а мне пришлось остаться.

Она одарила мисс Кросс еще одной профессиональной улыбкой, взяла конверт с документами, а затем приглушенными шагами пошла к двери и исчезла. Холодный порыв ветра – и это было все, что от нее осталось.

Нежное прикосновение к плечу заставило меня вздрогнуть. Мисс Кросс улыбнулась мне.

– Не волнуйся, Элис. Тебе будет хорошо в Честерфилде. Все уже сгорают от любопытства и хотят познакомиться с тобой. К концу лета ты вообще не захочешь возвращаться.

– Да, навер... – вежливо начала я, когда щекотка на щиколотке заставила меня вздрогнуть.

– Вах! – В испуге я посмотрела вниз и увидела пару глаз, с интересом рассматривающих меня. Глаз, принадлежавших белой кошке. *О боже.*

– Ты! – Я дернулась так резко, что ударилась спиной о декоративную вазу. Беспokoйно пошарив вокруг, я вцепилась в вазу, чтобы в случае необходимости было чем обороняться.

Мисс Кросс подняла бровь и выдавила из себя неловкую улыбку.

– Ты боишься кошек, Элис?

– Мяу, – произнесла эта скотина.

– Я, да... нет... он... кажется, я его встречала раньше, – выдавила я.

– Да? Ты снова бродил, Карс? – строго спросила мисс

Кросс, пока кот мурлыкал возле ее ног.

– Его зовут Карс? – вырвалось у меня. При этом меня бросало то в жар, то в холод, и я старалась скрыть свою панику.

Карс – так представился говорящий кот на той вечеринке!

Мисс Кросс опять приподняла бровь, а кот вильнул хвостом.

– Это наш Карс. Он в Честерфилде дольше, чем я, – она рассмеялась. – Не волнуйся, он старичок и совершенно безобидный, – разъяснила она, и я могла бы поклясться, что кот фыркнул и бросил на мисс Кросс надменный взгляд.

Я уставилась на него, ожидая, что он откроет рот и что-то скажет. Но ничего не произошло. Вместо этого мисс Кросс мягко, но решительно взяла вазу у меня из рук и поставила ее обратно на пьедестал.

– Если позволишь, я буду благодарна, если ты не разобьешь вазу династии Мин.

– Конечно, – пробормотала я и покраснела. С бешено бьющимся пульсом я уставилась на кота, который с мурлыканьем занялся своим интимным туалетом.

– Сейчас я отведу тебя в твою комнату. Там ты сможешь освежиться, а также надеть форму, которая у нас по некоторым причинам обязательна, – продолжила мисс Кросс и двинулась вперед.

Я нерешительно последовала за ней. Колесики моего дешевого чемодана скрипели в такт. Карс проигнорировал меня, и я решила оказать ему такой же прием, хотя руки у ме-

ня все еще были влажными от пота. Может быть, я просто ошиблась. Возможно, это был другой кот. Было чертовски много белых кошек там, снаружи, и этот, здесь, не предпринимал никаких попыток вести себя не по-кошачьи. А имя, конечно, было просто... совпадением. Совпадения ведь случаются постоянно!

Собравшись, я заставила себя послушаться мисс Кросс, и пошла быстрее, чтобы догнать ее.

– Даже во время летних каникул, – продолжала она, – у тебя будут послеобеденные занятия. Так же, как и по субботам, и воскресеньям. Твое расписание уроков и все, что трудно быстро запомнить, можно найти в этой папке. – Она подала мне серую папку, и я быстро запихнула ее в сумку.

Мы поднялись по лестнице наверх, потом свернули в коридор – темный камень сомкнулся вокруг нас, и я вдруг ощутила клаустрофобию.

– Столовая и часть классных комнат расположены на первом этаже, бассейн и спортивный зал, а также некоторые отсеки – в соседних пристройках. Остальные школьные помещения, комнаты преподавателей и ваши распределены по верхним этажам. Но летние курсы проходят исключительно в классах на первом этаже, – рассказывала мисс Кросс, продолжая вести меня по коридору. Наши шаги гулко отражались от стен. – Здесь в основном кладовые, дальше сзади общая комната и комнаты девочек вашего класса. Сейчас летом, правда, народу не так много. Почти все уехали домой.

– Сколько еще учеников здесь осталось? – спросила я.

– Шестнадцать.

– Неужели они все должны повторять пройденное?

Мисс Кросс улыбнулась, но глаза ее оставались серьезными.

ми.

– Нет, – отозвалась она. – Большинство из них здесь потому, что не могут или не хотят возвращаться домой во время праздников.

Больше она ничего по этому поводу не сказала, и было ясно, что я не получу ответа, даже если буду настаивать.

Коридор перед нами резко оборвался, и мы оказались перед тяжелыми дверями, которые открывали вид на большую гостиную, где старый каменный пол был покрыт толстым бежевым ковром. В комнате с двумя старинными каминами виднелись художественно расставленные диваны в драпировках. Хотя было лето, в обоих каминах горел уютный огонь, и поленья тихо потрескивали.

Серый послеполуденный свет проникал сквозь высокие окна. На одном из широких каменных выступов, усыпанных подушками, сидела девушка, скучающе набиравшая что-то на своем телефоне. Услышав нас, она вздрогнула и слегка запаниковала, попытавшись спрятать телефон за спину. Ее каштановые кудри разлетелись при этом во все стороны.

Мисс Кросс остановилась, сузив зеленые глаза до щелочек. Позади нас в комнату заглянул Карс.

– Ларк, – ледяным тоном произнесла мисс Кросс. – Поче-

му ты не на уроке?

– О, мисс Кресс... то есть Кросс, – пролепетала девушка, расплывшись в лучезарной улыбке. – Урок. Конечно! Я только что пришла после очень интересного урока военной стратегии 18-го века и просто хотела быстро кое-что выяснить.

Ларк беспокойно огляделась.

– Очевидно, я что-то опять забыла, поэтому мне следует немедленно вернуться в класс, сэр, ой, мэм.

Она соскользнула с подоконника, стряхнула воображаемую пыль с юбки и хотела протиснуться мимо нас.

– Ларк, – резко обратилась к ней мисс Кросс, протягивая открытую ладонь ей под нос.

– Да?

Мисс Кросс глубоко вздохнула.

– Я даже не хочу знать, когда ты снова стащила телефон из моего кабинета. Правила тебе известны. Телефоны только по выходным. Отдавай его, барышня.

Ларк скривила лицо.

– Это так по-средневековому, – пробормотала она, и уронила свой айфон в руку мисс Кросс.

– Спасибо, – хладнокровно сказала секретарша, после чего кивнула в направлении меня.

– Кстати, это Элис Солт. Она будет посещать летние курсы вместе с вами.

Оценивающий взгляд Ларк быстро остановился на мне, словно она только и ждала случая, чтобы не таясь посмотреть

на меня. Ее взгляд скользнул по мне вверх и снова вниз. Я, похоже, успешно прошла осмотр, потому что она сказала:

– Ясно. Привет, я Ларк. Вообще-то Ларкейла, но, если ты меня так назовешь, мне, к сожалению, придется придушить тебя подушкой. Бери в обед пасту, старайся избегать Карса, и, если не знаешь, как завязывать галстук, просто затяни его узлом, разницы все равно никто не заметит.

Она бросила на мисс Кросс мимолетный взгляд и исправила:

– Ну, почти никто.

– Спасибо. Я – Элис. А что такое с котом? – встревоженно спросила я.

– Он противная скотина.

Я спросила себя, не заметила ли она случайно, что Карс умеет разговаривать.

– Как интересно, что ты здесь, – продолжала Ларк. – Скажи, ты действительно будешь «здесь» или только «здесь, в школе»? – спросила она, рисуя в воздухе кавычки.

– Эм... – протянула я, потому что понятия не имела, к чему она клонит.

– Элис, конечно, будет присутствовать только на уроках, Ларк, – отрезала мисс Кросс.

Ларк сжала губы и перебросила свою кудрявую гриву через плечо.

– Ладно, ладно. Думаю, мы еще увидимся, Элли. – Она вышла из комнаты отдыха.

Мисс Кросс посмотрела ей вслед и вздохнула.

– Ларк кажется очень... милой, – попыталась я описать девушку политкорректно.

Уголки рта мисс Кросс подергивались.

– Да. Ларк – славная девушка, но, пожалуй, это не самое удачное знакомство, которое можно здесь завязать. Я познакомлю тебя с Региной. Она вице-спикер и будет помогать тебе со всем остальным, начиная уже с обеда, – сказала она, пропуская меня из общей комнаты по очередному коридору.

– Это западное крыло, в котором живут двести пятьдесят наших старших студентов, – продолжала мисс Кросс свое руководство, до сих пор почти незаметное. – Напротив, в восточном крыле, расположены помещения младших девушек, которым приходится делить комнаты на двоих. Твоя комната на самом деле предназначена только для посетителей, поэтому она немного меньше, но ты будешь в ней одна, и я уверена, что тебе будет комфортно. Остальные студенты не освобождают свои комнаты даже во время каникул, поэтому нам пришлось поместить тебя здесь.

Она достала ключ и указала на дверь рядом с высоким окном и старым шкафом из темного дерева.

Передо мной на блестящей латуни красовался номер тридцать три. Не знаю почему, но я ожидала, что дверь будет скрипеть, когда откроется. Но она качнулась так плавно и бесшумно, что я вздрогнула, когда деревянный пол слегка треснул под моими шагами.

Мое жильё на ближайшие два месяца оказалось угловой комнатой с деревянным полом и несколько ветхой антикварной мебелью. Кровать с балдахином была сделана из старого темного дерева, с искусно украшенными ножками. Один угол комнаты был полностью застеклен и, как и в общей комнате, каменный подоконник был очень широким, так что я могла сидеть на нем. Еще здесь присутствовал камин из камня, где располагались свежие дрова, перед ним стояло уютное, потертое кресло с обивкой из парчи. Шкаф и тумбочка довершали внутреннее убранство. На недавно застеленной кровати лежала стопка одежды, в которой, вероятно, находилась моя школьная форма.

– Остальные комплекты одежды и все, что тебе еще нужно, уже находится в шкафу. У тебя своя ванная... – Она указала на узкую дверь справа от нас. – Это ключ от твоей комнаты. Официальное время отбоя – двадцать два часа. Мобильными телефонами, как я уже сказала, можно пользоваться только по выходным. Все остальное ты можешь узнать из папки.

– Значит, вы действительно сказали это всерьез? Мы не должны здесь пользоваться телефонами? – спросила я в легкой панике.

Мисс Кросс нахмурилась.

– К сожалению, нет. Я собираю их в понедельник утром, а забрать их у меня вы можете в пятницу.

– Это... Черт! А как же тогда мне позвонить маме? – спро-

сила я.

– У нас есть таксофоны, которые вы можете использовать. Сожалею. Я знаю, поначалу это неприятно, но со временем ты привыкнешь.

В этом я теперь очень, очень сильно сомневалась. Почти как в замедленном кино я вложила свой телефон ей в руку, в которой уже лежал телефон Ларк. Когда мисс Кросс сжала ладонь, я почувствовала себя так, будто моя последняя связь с внешним миром оборвалась.

Чтобы отвлечься от стесненного ощущения в груди, я оглядела комнату.

– Спасибо, здесь... уютно.

Мисс Кросс улыбнулась мне.

– Тебе достаточно двух часов, чтобы распаковать багаж и быть готовой?

– Да, вполне, – сказала я, направляясь к своему чемодану. Пятнадцати минут, в принципе, тоже хватило бы.

– Очень хорошо. Потом я заберу тебя в общую комнату. Рада, что ты с нами, Элис. Мы все... очень рады видеть здесь новое лицо, – сказала она, повернулась и вышла из комнаты. Когда дверь бесшумно закрылась за ней, в комнате остался нежный аромат ландыша.

Круто. Первый час в Честерфилде я уже пережила, не хватало только... *многого*.

Вздохнув, я поставила свой багаж рядом с кроватью и выглянула из углового окна. Стекло явно было уже старым,

выглядело необычно толстым и слегка неровным. Капли дождя стучали по стеклу и сбегали вниз серебристыми струйками. Тем не менее, я смогла разглядеть за окном красивый парк. Чуть дальше была видна граница леса. Деревья казались мрачными и темными из-за плохой погоды. Я немного приоткрыла окно, и порыв ветра полоснул по моей щеке, принесся запах дождя и сырой земли. Вздохнув, я села на кровать и по привычке хотела достать свой телефон, когда до меня дошло, что у меня его больше нет. Блин!

Мама будет ждать от меня сообщения, поэтому придется искать таксофоны. Я высунула голову из двери, но в коридоре никого не было. Придется позаботиться об этом позже.

Вместо телефона я, наконец, открыла серую папку мисс Кросс, чтобы просмотреть информацию, и тут мне в руки попало расписание занятий. При взгляде на него я скривилась. Мисс Кросс не преувеличивала. У меня назначены занятия каждый день до семнадцати часов. Даже суббота и воскресенье были отмечены как дни самостоятельной работы, а еще утром в шесть часов был... спорт? Недоверчиво я поднесла листок ближе к лицу и... да! Вот же варвары!

Расстроенная, я захлопнула папку.

Во мне поднялось неприятное чувство беспомощности, и пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, прежде чем я смогла заставить себя взять униформу с кровати.

Ларк, похоже, надела не весь наряд, ведь еще я увидела молочную юбку, накрахмаленную белоснежную блузку,

красный галстук, и длинный блейзер из высококачественного материала того же цвета, довольно тяжелый. На ослепительно белой ткани виднелись черные нашивки, а на левом нагрудном кармане, словно орден красовался школьный герб. На рукавах имелись накладки с серебряными пуговицами, которые едва заметно мерцали.

Ко всему этому прилагались блестящие лакированные туфли и гольфы. Юбки и гольфы! А дальше что? Булочки и чинное чаепитие? Ворча, я вылезла из своего худи и стала надевать новую униформу.

Как раз в тот момент, когда я собиралась влезть во второй ботинок, послышалось непонятное шуршание за окном. Озадаченная, я подняла глаза и обнаружила Карса, который пробрался через щель и занял место на подоконнике. Хвост его ходил туда-сюда, что выглядело забавно.

Я застыла, задержав дыхание. Карс шевелил ушами.

– Опять ты!

Я зажмурилась и сделала робкое движение.

– Кыш, проваливай!

Карс не обратил внимания, двигался только пушистый хвост.

– Мы снова встретились, Элис.

Открыл, черт возьми, рот и заговорил! Ясно и отчетливо!

Я ругнулась, схватила за неимением лучшего первое, что попало под руки, а именно папку, и бросила ее в Карса. Она шлепнулась рядом с ним, и бумажки разлетелись во все

стороны.

Карс пошевелил ушами.

– Мимо, – сухо прокомментировал он.

– Боже мой, хватит болтать! Кошки не умеют говорить, – проворчала я, оглядываясь в поисках чего-нибудь, что еще можно было бы в него швырнуть.

– А ты явно не умеешь бросаться вещами. Так что, похоже, мы оба делаем то, что нам лучше бы не делать.

Я издала писк.

– О боже, просто прекрати! Почему ты вообще разговариваешь? Я что, сошла с ума?

Кот фыркнул и закатил глаза.

– Откуда мне знать, я что, похож на невропатолога?

Он спрыгнул с подоконника и пошел ко мне. Неистово взвизгнув, я отпрянула назад и стукнулась о гардероб.

– Бах! – сказал Карс, и я снова испуганно вздрогнула. Кот смеялся, а я сердито сверкала на него глазами.

– Скажи, ты издеваешься надо мной? – прошипела я.

– Ну, знаешь, если ты даешь мне такой хороший повод, то сама виновата. – И на меня невозмутимо уставились кошачьи глаза.

Я ответила ему взглядом, в то время как мое сердце отчаянно колотилось.

– На самом деле я просто хотел поприветствовать тебя в Честерфилде.

– Почему? – выкрикнула я. – Почему ты разговариваешь

со мной?

Карс вздохнул и направился к двери, которую я в поисках таксофона оставила приоткрытой.

– Главное тут не то, что я умею говорить, а то, что ты меня понимаешь, Элис Солт, – задумчиво ответил кот, направился к двери и выскользнул наружу.

– Что... подожди! Вернись! Это не ответ!

Резко распахнув дверь, я побежала за белым меховым мячом, который несся по коридору.

– Стой! – крикнула я, бегом завернув за угол в пустую (*к счастью*) общую комнату и увидела, как он исчезает в очередном коридоре. Вместе мы еще раз свернули за угол. Я протянула руку и в хищном прыжке сумела поймать кота, но при этом поскользнулась на лакированных туфлях. Тяжело дыша, я снова поднялась на ноги и торжествующе подняла Карса.

– Я тебя поймала! – сказала я, держа его перед лицом. – Мы с тобой еще не закончили. Ты сейчас же признаешься, что, к чертовой матери, здесь происходит, – рычала я на него.

Карс только усмехнулся, и в тот же миг кто-то рассмеялся. Испуганная, я пошатнулась и вытаращила глаза, когда увидела *его*. Он стоял внизу, на предпоследней ступеньке лестницы. В форме, похожей на мою, и улыбался так широко, что на его щеках проступили ямочки. Голубые глаза весело сверкали, а на лицо падали светлые вьющиеся волосы.

– Я не могу понять, – сказал он. – Ты бьешься с Карсом

или он с тобой?

Кот только поморщился, а я искоса взглянула на него. Ах, теперь он сумел, наконец, заткнуться!

– Я... мы просто развлекаемся, – буркнула я, отпуская Карса.

Тот бросил на меня злорадный взгляд и ретировался. Парень снова рассмеялся, приподняв светлые брови. Я моргнула и очень медленно осмотрела его, начиная от блестящих туфель и заканчивая мягкими чертами лица. Он показался мне таким знакомым...

Потом меня осенило.

– Мы же на днях встретились на перекрестке! Ты управлял кабриолетом.

Теперь уже он внимательно осмотрел меня сверху донизу и прикусил губу.

– А ты велосипедом.

Под его взглядом у меня напряглись все волоски на шее и заколотилось сердце. Я сглотнула. Во рту все пересохло.

– У тебя ведь есть имя, или я должен называть тебя просто велосипедной девушкой? – спросил он, поднимаясь ко мне по ступенькам.

Он двигался упругой походкой, будто хищный кот, а его мускулы плавно поигрывали под одеждой. Когда он оказался так близко от меня, что кончики наших ног соприкоснулись, я вдохнула немного воздуха, чтобы суметь хоть что-то произнести.

– Я Элис Солт.

– Приятно познакомиться, Элис Солт, – сказал он мягким голосом и протянул мне руку. – Я Винсент Честерфилд.

Винсент. Дрожь пробежала у меня по спине, и когда наши пальцы соприкоснулись, голова будто наполнилась ватой, а в ушах зазвучало тихое жужжание. Я почти почувствовала себя слегка под кайфом. Раздраженно сощурившись, попыталась снова сфокусировать взгляд.

– Я – спикер школы Честерфилд. Так что, если тебе что-то понадобится, приходи ко мне в любое время, хорошо?

– Спасибо, это очень мило с твоей стороны, – сказала я, пытаюсь незаметно привести в норму давление в ушах. Его рука выскользнула из моей, в голове тихо треснуло, и жужжание исчезло.

– Винсент? Где ты? – донесся до нас звонкий голос.

Винсент на мгновение поморщился, прежде чем повернуть голову и крикнуть в направлении верха лестницы:

– Мы здесь, Регина!

– Мы?

На лестничной площадке появилась девушка из кабриолета. Все на ней выглядело сверкающим и блестящим, начиная с заколки, удерживающей гриву волос, и заканчивая серьгами и браслетами вокруг узких запястий. По обеим от нее сторонам стояли близнецы, которых я тоже уже видела в кабриолете.

Вблизи я поняла, что глаза у нее слегка раскосые.

– Элис, это братья Хитачи, а это моя кузина Регина, – представил нас Винсент. – Левый – Эбони, правый – Айвори.

Улыбаясь, я подняла руку и помахала пальцами.

– Привет, я...

– Элис, – прервал меня один из близнецов.

– Солт, – добавил другой.

Удивленно моргая, я смотрела на них. Айвори поймал мой взгляд и усмехнулся.

– Расскажи нам немного о себе, Элис, – попросил он.

– Мы все любопытны, но знаем только твое имя и то, что ты провалилась, и что ты дочь шерифа, – добавил другой близнец.

– Но... откуда вы все это знаете? – спросила я, сбитая с толку.

– Мы чертовски хорошо умеем угадывать, – сказал Эбони.

Другой улыбнулся.

– Мы тут ни при чем. Это написано в твоём досье.

– У вас есть... Что за досье? – быстро спросила я.

Винсент сердито нахмурился и направился к близнецам.

– Айвори! Вы должны прекратить лазить по кабинетам.

Близнецы обменялись взглядами и пожали плечами.

– Мы думали, там будет что-то интересное, – сказал Айвори.

– Но этого не было, – добавил Эбони, явно разочарованный.

– Мы в любом случае рады, что ты здесь, – заверила ме-

ня Регина, по-дружески слегка приобняв меня. Прикосновение было мягким и нежным, а ее серьги при этом тихонько забренчали. – Я отвечаю за всех новых учеников. Поэтому, если у тебя возникнут какие-либо вопросы или проблемы, ты всегда можешь обратиться ко мне.

– Я... спасибо, – просто сказала я и подняла взгляд. Винсент сунул руки в карманы пиджака мундира и приподнял уголок рта.

– Сейчас идут занятия. Если хочешь, мы покажем тебе класс, – сказала Регина и двинулась вперед. Поскольку она все еще придерживала меня, у меня не было другого выбора, кроме как следовать за ней.

– Вообще-то я должна дождаться мисс Кросс, – сказала я, беспокойно оглядываясь по сторонам. Почему-то я почувствовала себя мухой, попавшейся на клей симпатичной Венераиной мухоловки.

Винсент шел позади и подмигивал мне, что на самом деле тоже не помогало успокоить пульс.

– Не волнуйся. Мисс Кросс предупреждена, и она попросила меня отвести тебя.

– Эм... хорошо.

Я растерянно позволила увлечь себя. Мы спустились по широкой лестнице и свернули из холла в коридор. Прямо перед нами находились створки большой двери, из-за которой пахло едой. Вдоль стен, таких высоких, отражавших эхо наших шагов, стояли вполне обычные шкафчики. Их вид ме-

ня обескуражил, наверное, потому, что в остальном Честерфилд совсем не походил на школу.

Я бросила взгляд на Винсента. Он притягивал мой взор, как пламя мотылька. Может быть, я сгорю, если слишком приближусь к нему? Уставившись на парня, я чуть не налетела на одного из близнецов, когда Регина остановилась у двери 16А и рывком распахнула ее.

И тут же на нас воззрились двенадцать пар глаз.

Глава 7

В классе стало тихо.

Ученики Честерфилда сгрудились вокруг двух типов, каждый из которых одну руку прижимал к поверхности стола, а в другой держал нож. Острые наконечники ударились о дерево между пальцами с невероятной скоростью и с громким стуком.

Бум. Бум. Бум.

Бум. Бум. Бум.

– Эй, Никсон! – Рыжеволосая девушка попыталась предупредить одного из них о нашем присутствии, но тот продолжал сосредоточенно опускать нож.

Он был таким высоким и мускулистым, что на его плечах чуть не разошлась форма. Его скулы были резко очерчены, а светлые волосы строго зачесаны назад.

– Не мешай мне, Пейсли. Я прикончу этого парня, – прорычал он, не поднимая глаз.

– Размечтался, – рассмеялся другой парень. Его волосы имели пепельный оттенок, а на ногтях красовался лак глубокого черного цвета.

– Грейв, – окликнула его рыжая, но Винсент уже протиснулся мимо нас.

– Что все это значит? – резко спросил он.

Два парня испуганно вздрогнули. Нож парня с пепель-

ными волосами немного соскользнул, и я не смогла сдержать испуганного восклицания, когда он яростно ругнулся и неистово затряс рукой.

– Черт, – его взгляд метнулся сначала к Винсенту, потом ко мне, прежде чем он молниеносно спрятал руку за спину.

– Я имел в виду... фух, опять повезло, чуть не попал, – пробормотал он.

– Его рука... его пальцы... Ему нужен врач! – в ужасе воскликнула я и подбежала к Регине.

Однако та лишь улыбнулась.

– Нет причин для волнения. С Грейвом все в порядке.

С Грейвом что? Она издевается надо мной? Я шагнула к близнецам, но те только рассмеялись и уселись за первый ряд парт.

– Ты должен мне десять баксов, – сказал близнец, которого я определила как Айвори.

– Только если бы палец был отрезан, – скучающим тоном ответил Эбони.

– Ему нужен врач! Он проткнул себе руку! – повысила я голос, теребя узел своего галстука. – Мы можем перевязать ему руку и...

– Элис. Все в порядке. С ним действительно все в порядке, – мягко прервал меня Винсент, бросив на Грейва укоризненный взгляд. – Покажи ей, – сказал он.

– Я... да, конечно, – сказал Грейв, вынув руку из-за спины и весело шевеля пальцами.

Моргая, я уставилась на нее. Не знаю, чего именно я ожидала. Во всяком случае чего-то вроде большого количества крови, открытой раны и виднеющихся костей. Но я не увидела... *ничего*. Его безымянный палец, который он явно поранил, был совершенно невредим.

– Как это возможно? Я же видела... – настаивала я, когда звук открывшейся двери заставил всех нас вздрогнуть.

– Что здесь происходит?

В комнате стоял человек. Высокий и стройный, с белоснежными, будто седыми, волосами, хотя ему не могло быть больше тридцати лет. На худом носу сидели круглые очки без оправы, сквозь которые он строго разглядывал всех нас.

Я уже открыла рот, когда Винсент молниеносно схватил меня за руку. Прикосновение было легким, но его хватило, чтобы у меня в голове зашумело. И вдруг я перестала беспокоиться.

Винсент большим пальцем рисовал успокаивающие круги на тыльной стороне моей ладони.

– Ничего, доктор де ла Руа. Я знакомлю Элис с классом, – сказал он мягким голосом, сжимая мою руку. Предупреждающе? *Умоляюще?*

Когда я посмотрела на него, то смогла разглядеть четкий и ясный ответ в его глазах. Я должна помалкивать. Хотя все внутри меня было напряжено, я почувствовала, что киваю.

Доктор де ла Руа нахмурился, затем размашистыми шагами подошел к нам.

– Здравствуй, Элис. Я доктор де ла Руа, ваш учитель на время летних курсов. – Он протянул мне руку.

Винсент отпустил меня и сел к близнецам.

– Здравствуйте, я... гм... Элис, – поздоровалась я, пожимая руку учителю.

Доктор де ла Руа улыбнулся, отчего вокруг его глаз образовались морщинки.

– Я рад, что ты теперь с нами. Рядом с Ларк есть свободное место. Если у тебя есть вопросы, не стесняйся задавать их. – Он кивнул на последний ряд.

Ларк, та девушка из общей комнаты, сидела, широко улыбаясь, и махала мне рукой. Я робко улыбнулась в ответ и двинулась к ней под одобрительное бормотание. На меня, казалось, смотрел весь класс. К счастью, доктор де ла Руа отказался хотя бы от того, чтобы я представилась всем.

– Замечательно, – сказал он, наконец, когда я села, и подошел к кафедре. – Нам многое предстоит сделать.

Он энергично развернулся и бросил на Никсона и Грейва строгий взгляд.

– Тут полно работы, которую вам посчастливится выполнить в свободное время. Обратитесь к мисс Кросс. Я уверен, она будет рада четверем энергичным рукам, что вычистят туалеты.

– Что? – синхронно спросили оба.

– Почему? – добавил Никсон.

Доктор де ла Руа поднял белую бровь.

– Вы считаете меня идиотом? Давайте сюда ножи.

Недовольно бурча, они встали и вложили в руку доктора де ла Руа серебряные ножи. Теперь я поняла, что это были обычные столовые приборы, которые они, вероятно, взяли с собой из кафетерия.

– Вы должны прекратить эти игры, – приказным тоном произнес доктор де ла Руа, затем бросил взгляд на Винсента. – Ты покрывал их. Тебе делает честь, что не хотел их предавать, но их глупость не должна поощряться.

Винсент немного побледнел. Однако он кивнул и тоже встал. Расправив плечи, парень последовал за Никсоном и Грейвом из класса. Я посмотрела ему вслед, и только когда за ними закрылась дверь, у меня в ушах прекратился свист. Моргая, я уставилась на доску.

– Эй, ты в порядке? – озабоченно прошептала мне Ларк.

Я помассировала себе висок. У меня начиналась мигрень.

– Да. Нет. Ничего не понимаю. Что здесь только что случилось? – спросила я так же тихо.

Полные губы Ларк изогнулись в улыбке.

– Здесь случился Честерфилд, – только и сказала она, откидываясь на скамейке назад.

Доктор де ла Руа подошел ко мне с упаковкой бланков и положил их на мой стол.

– Я бы хотел проверить твой текущий уровень знаний, Элис. Если у тебя возникнут какие-либо вопросы, ты в любой момент можешь ко мне обратиться. Если тут будет мате-

риал, который ты еще не проходила, пожалуйста, оставь пометку на полях.

– Я поняла, большое спасибо, – ответила я и подождала, пока он отойдет от меня, прежде чем сосредоточиться на заданиях.

Над классом повисла тишина, и ученики принялись за работу. Каждый, казалось, точно знал, что ему делать. В Фоксскрофт-Хай никогда не удавалось так быстро концентрироваться. Но здесь атмосфера была совершенно другой. Никто не разговаривал, не кидался бумажными шариками или не играл от скуки с телефоном под партой.

Написав половину, я остановилась и огляделась. Здесь не было пауков! Я перевела взгляд на парты и учеников, но не увидела ни одной из черных тварей, которые сопровождали меня практически на каждом шагу последние месяцы. Что, черт возьми, здесь творится? Когда голос доктора де ла Руа вырвал меня из раздумий, я вздрогнула, по спине пробежали мурашки.

– Все в порядке, Элис? Тебе что-то непонятно?

– Нет, я... все в порядке, – выдавила я.

Не паникуй! Все, что здесь происходит, безусловно, скоро прояснится. *Обязано* проясниться.

С похолодевшими пальцами я попыталась сосредоточиться на тестах. Но, несмотря на то, что я была сильна и в естествознании, и во французском языке, продвигалась я медленно. Снова и снова я опускала взгляд, ища... да что, соб-

ственно? Я так долго боялась чертовых пауков, чувствовала, что теряю разум. Но сейчас их отсутствие пугало меня чуть ли не больше.

В напряжении держа шариковую ручку наготове, я дошла до последней страницы – и застыла. Здесь тоже задавали вопросы, но не с целью проверить мои знания. Это была анкета *обо мне*. Сначала шли стандартные вопросы: имя, возраст, есть ли на что-либо аллергия. Однако с середины анкеты вопросы становились все более странными.

Замечали ли вы у себя один или несколько из следующих симптомов в последнее время?

- Проблемы с концентрацией внимания
- Сильное внутреннее беспокойство
- Страх
- Гиперактивность
- Агрессия
- Перепады настроения
- Расстройство сна

Охватывает ли вас иногда страх безо всякой причины?

- Никогда или редко
- Иногда
- Часто
- Очень часто или постоянно

Вы страдаете от боли в голове, спине или шее?
Вас посещают кошмары?

У вас бывают галлюцинации?

Если да, то что вы видите?

Я смотрела на бланк, мой пульс скакал словно безумный, затем я быстро взглянула на доктора де ла Руа. Он заметил это и успокаивающе улыбнулся мне:

– У тебя возник вопрос, Элис?

О да, возник. И много. Прежде всего, почему я должна заполнять анкету для определения расстройств личности.

– Эту... эту анкету... – тихо спросила я, – должен заполнять каждый ученик?

Доктор де ла Руа поправил очки.

– Именно так. Тебе не нужно беспокоиться, Элис. В ней нет неправильных ответов.

Я кивнула, заставляя себя продолжать писать, а спина покрылась холодным потом. О боже! То есть Честерфилд – школа для сумасшедших подростков? Неужели я действительно сошла с ума? Дрожащими пальцами я везде ставила «нет», борясь при этом с угрызениями совести, с каждой неверной галочкой говорившей мне, что ложь – это неправильно. Закончив, я схватила рюкзак, шагнула вперед и отдала листки.

Доктор де ла Руа бросил на них лишь мимолетный взгляд и снова улыбнулся мне.

– Благодарю. Ты можешь идти. Увидимся завтра.

Я кивнула. Мышцы моей шеи настолько одеревенели, что движение почти причиняло боль. Я вышла из класса, не

оглядываясь, и остановилась в коридоре с диким сердцебиением. Что это только что было? Честерфилд что, колония для безумцев? И поэтому поместье под такой сильной охраной?

Тяжело дыша, я прислонилась к стене и сделала глубокий вдох. Спокойно, Элис!

Да, мне нужно сохранять невозмутимость. Волнение ни к чему не приведет. Мне нужно выяснить, что здесь происходит, а для этого я должна оставаться в здравом уме. Я решительно подняла глаза и тут же вздрогнула.

Винсент.

– Прощу прощения. Я напугал тебя? – мягко спросил он, но когда я посмотрела в его глаза, мое сердце не успокоилось, а забилось еще быстрее. Пальцы стали влажными, и я сглотнула. Глаза Винсента светились почти хрустальной синевой, он склонил голову набок.

– Все в порядке? – спросил он, подходя ко мне.

– Я, да... – Я дернулась назад и ударилась затылком о стену.

Винсент остановился.

– Ты боишься меня? – спросил он удивленно, почти обиженно.

– Да... нет... я просто смутилась.

– Это хорошее или плохое смущение? – спросил он, и от его смеха я немного расслабилась.

Жужжание в ушах возобновилось, и я улыбнулась в ответ.

– Могу я тебя кое о чем спросить, Винсент?

Он утверждающе наклонил голову.

– Этот тест...

Я растерянно огляделась, но, кроме нас, в коридоре больше никого не было.

– Что с ним такое? – спросил Винсент, его глаза весело сверкали.

– Я... его здесь все проходят? – неуверенно спросила я. Что я еще должна была сказать? *Эй, Винсент, ты случайно не чокнутый?*

Винсент закусил нижнюю губу.

– Да, – сказал он, наконец, и улыбнулся, прядь волос упала ему на лицо. – Я вырос в Честерфилде. Так что еще в детстве мне под нос совали красочные карточки с рисунками всяких зверств и убийств, следя за тем, не хлопаю ли я восторженно в ладошки.

На мгновение меня передернуло.

– Я... Ты смеешься надо мной?

– Если только чуть-чуть.

– Это не смешно! Я просто в панике, – ругнулась я. Больше всего мне хотелось врезать ему кулаком по плечу, но мы не были настолько близко знакомы.

– Это ни к чему, Элис.

Винсент рассмеялся, снова осторожно взял мою руку и пожал ее.

– Это стандартные вопросы. Просто забудь о них.

В голове зашумело, и все напряжение резко покинуло меня.

– Ладно. Прости. Я просто...

– Голодна? – спросил он, не отпуская моей руки. – Хочешь перекусить со мной, прежде чем я продолжу чистить туалеты?

– Разумеется, почему бы и нет.

Будто само собой разумеющееся, наши пальцы переплелись, и по моей спине пронеслась мелкая дрожь. Голова словно наполнилась воздухом.

Вместе мы прошли в столовую, откуда до нас доносился стойкий аромат еды. Комната была огромной и, как и везде в Честерфилде – стены из серого камня. Высокие круглые арочные окна пропускали послеполуденный свет, падавший на длинные, темные деревянные столы. В конце столовой был устроен буфет. Ларк и парень с серыми волосами (*кажется, Грейв*) уже стояли перед ним, наклонив головы друг к другу. Когда мы подошли, они уставились на нас.

– Привет, – с улыбкой произнесла я.

– Привет, – одновременно ответили оба. Когда их взгляды упали на Винсента и наши сцепленные руки, на их лицах появилось странное выражение.

Мне вспомнилась система «очков» девушек из Фокскрофта, и я почувствовала, как заливаюсь краской. Я быстро отдернула руку. О боже, что они могут обо мне подумать? Я не пробыла здесь даже дня, и уже прогуливаюсь, держась за

руки, со школьным спикером. Почему, собственно?

Винсент нахмурился и выглядел каким-то недовольным, а затем бросил холодный взгляд на Ларк и Грейва.

– Что вы здесь делаете? Разве сейчас у вас не дежурство?

– Только через час, – сказала Ларк.

– Какое дежурство? – спросила я, и снова они слегка растерянно посмотрели на Винсента.

Тот улыбнулся мне.

– В Честерфилде студенты ухаживают за парком. Ларк и Грейв выбрали прополку сорняков.

Он властно посмотрел на них, и казалось, что Грейв вот-вот отдаст честь. Ларк открыла рот, и в тот же миг появился один из близнецов Хитачи.

– Привет, Винсент!

Он был одет в школьную форму, но галстук повязал вокруг лба как бандану, а в пальцах крутил нечто, что на первый взгляд выглядело как маленький пистолет.

Я вздрогнула, но он улыбнулся, открыл рот и влил в себя порцию воды.

– Что случилось, Айвори? И убери эту штуку, сколько тебе лет? – проворчал Винсент.

– Семнадцать, спасибо, что спросил. Меня послала Регина. Ты нам нужен... гм, – он бросил на меня мимолетный взгляд, – снаружи.

Винсент глубоко вздохнул.

– Ладно. Извини, Элис, мы пообедаем вместе завтра, хо-

рошо?

– Без проблем. – Наморщив лоб, я переводила взгляд с Айвори на Винсента и обратно. – Что-то случилось? Могу ли я помочь?

– Наверное просто дела ученического совета. Извини, я там нужен.

Он наклонился и заправил мне прядь волос за ухо. Это прикосновение вызвало покалывание по всей поверхности моей кожи.

– Пообедай с Ларк и Грейвом, а потом иди отдыхать, ты выглядишь усталой, – озабоченно сказал он, и я заметила, что мои веки действительно отяжелели. День выдался довольно бурный.

– Я не так уж и уста... – начала я, но прервала себя зевком. Раздраженно сморгнула. С каких это пор я чувствую себя настолько уставшей?

– До завтра, – сказал Винсент. Наши взгляды встретились в последний раз, а после он расправил плечи и последовал за Айвори, который снова выпил воды и подмигнул мне.

– Так... Винсент – школьный спикер. Сколько очков это приносит? – спросила меня Ларк.

Я мучительно поморщилась.

– Это работает не так, – успокоила ее я.

– Думаю, тридцать, – вмешался Грейв, и оба рассмеялись, но звучало это скорее весело, чем издевательски. Или от меня ускользнули тонкости, поскольку я снова была занята зе-

вотой. Черт, как же я устала!

– Я на самом деле не участвую в этой игре, – хмыкнула я.

– Знаем, не расстраивайся. Винсент – это просто... Винсент, – сказала Ларк, сунула мне в руки поднос с тарелкой пасты и салата, а затем подтолкнула меня к одному из столиков.

Во время обеда Ларк и Грейв болтали со мной, и я с удовольствием задала бы им еще кучу вопросов о Честерфилде, но я так устала, что к концу трапезы у меня практически слипались глаза.

– Неужели он так переусердствовал? – послышалось мне бормотание Грейва.

– Пожалуй, так лучше, – отозвалась Ларк. – В первую очередь для нее.

– Эй... эй, Элис.

Прикосновение к плечу заставило меня вздрогнуть, и я подняла глаза на Ларк, которая ласково улыбалась мне.

– Устала? – спросила она.

Я кивнула и растерянно огляделась.

– Очень. Я... извини, я что, задремала?

Я все сильнее чувствовала – *что-то не так*.

– Это был напряженный день. Пойдем, я проведу тебя в твою комнату, – предложила Ларк.

У меня настолько не остались сил, что я просто благодарно кивнула.

– До завтра, Элис, – сказал Грейв. Я помахала рукой и

последовала за Ларк из столовой.

– Если хочешь, завтра мы можем позавтракать вместе. А потом пойдем на занятия, – предложила Ларк.

Я кивнула и пробормотала нечто одобрителное, потом, спотыкаясь, вошла в комнату и опустилась на кровать.

– Спокойной ночи, Элис.

Шепот Ларк я еще услышала, но ответить была уже не в состоянии.

Глава 8

Мне казалось, будто я закрыла глаза всего несколько секунд назад, когда меня разбудил странный запах. Мои веки настолько отяжелели, что я едва их подняла. Но запах был настолько раздражающим, что я заставила себя открыть глаза вопреки внутреннему сопротивлению. Комната медленно принимала сильно размытые очертания. Я моргнула. Рассвело? Я разглядела дрожащий огонек рядом с собой и поняла, что это свеча, от которой тоже исходил странный запах – прогорклый, как несвежий жир. Я шмыгнула носом.

Когда, черт возьми, я зажгла свечу? Я пошевелилась и застыла, потому что лежала вовсе не в своей постели, а на бордовом ковре.

– Что за?..

В панике я села и огляделась. Где я находилась? *Это была не моя комната.*

Высокие окна, окаймленные тяжелыми шторами, находились в незнакомой комнате. В большом открытом камине горел огонь, вокруг были расставлены старомодные диваны и маленькие изящные столики. Над камином висел портрет в натуральную величину, изображавший молодую женщину с темными волосами и почти черными глазами.

Озадаченная, я поднялась на ноги и, повернувшись, наткнулась на один из изящных столиков, но его край... про-

сто прошел сквозь меня!

Испуганно вскрикнув, я вскочила и уставилась на блестящее полированное дерево, которое только что разрезало меня прямо пополам. Господи! Панически спотыкаясь, я попятилась и стала хватать ртом воздух, когда стол, как дым, снова проскользнул через меня. В тревоге я пошевелила пальцами ног, и, к моему облегчению, они делали то, что я приказывала.

– Что, черт возьми, здесь происходит? – спросила я вслух. Когда я решила, что астральные путешествия можно исключить, и, скорее всего, это просто очень реалистичный сон, послышалось щелканье. Оно было похоже на звук вязальных спиц моей бабушки и доносилось с кресла рядом со мной. Я съежилась и испустила очередной испуганный крик. Там кто-то сидел. Но ведь только что кресло было пустым, я уверена!

Женщина в кресле выпрямилась и подняла брови.

– Элис Солт, – сказала она тихо, но отчетливо. – Что заставило тебя так задержаться? Я уже думала, ты никогда не придешь.

– Что?

Я уставилась на женщину, которая выглядела как дама на картине! Мой взгляд переходил с нее на картину и обратно. Действительно, она. Длинные темные волосы и глаза – черные, словно ночь. В руках покоились вязальные спицы моей бабушки.

Вздохнув, она отложила их и поманила меня поближе.

– Нам нужно поговорить, Элис.

– Что?

– Пожалуйста, я должна сказать тебе кое-что, прежде чем снова забуду, – прошептала она, и ее взгляд беспомощно заметался по полу, словно она что-то искала. Потом женщина остановилась на мне, и ее огромные глаза еще больше увеличились, влажно заблестев.

– Пожалуйста, послушай меня! – Моего лица достигло ее дыхание, от которого исходил какой-то странный, почти металлический запах. Она протянула руку, и когда кончики наших пальцев соприкоснулись, они оказались холодными, как лед.

Я инстинктивно отпрянула, но она метнулась вперед и схватила меня еще крепче.

– Я знаю, что пугаю тебя, но ты должна внимательно выслушать меня, потому что от этого зависит твоя жизнь, – сказала она, и в ее темных глазах отразилось сияние мерцающих свечей.

– Пожалуйста, отпустите меня. Я понятия не имею, о чем вы говорите, – вырвалось у меня, но она лишь усилила хватку.

– Конечно, ты не понимаешь. В конце концов, я сделала все возможное, чтобы ни один потомок твоего рода никогда не узнал, что происходит в этом городе. На то есть причина. Послушай: если проклятие найдет тебя, сделай вид, что ни-

чего не слышишь и не видишь. Не ввязывайся ни в какую игру и никогда не поддерживай... ты слышишь меня, *никогда не поддерживай ни одну из сторон*, – она тряхнула мою руку и уставилась на меня так пристально, что вызвала у меня приступ страха.

– Не понимаю, что все это значит, – повторила я.

Женщину, казалось, все больше охватывает отчаяние.

– Ты чудо, которого не должно быть, Элис. Но проклятие касается всех игроков. Пожалуйста, не позволяй себя ослепить. В этой игре речь идет не о добре и зле, а о смерти. И именно она победит в конце. Не привлекай к себе внимания, может, тогда они и не заметят, кто ты такая. Обещай мне, Элис.

Она задыхалась, разговор, похоже, стоил ей немалых усилий.

– Не знаю, что... – начала я.

– Обещай мне! – в отчаянии воскликнула она.

– Ладно, ладно, обещаю, – подняла я руки в сдающемся жесте.

– Хорошо, – устало прошептала женщина. – И что бы ты ни делала – держись подальше от Короля.

Она начала исчезать.

– Нет!

Задыхаясь, я приподнялась на постели. Дыхание было тяжелым, сердце больно стучало по ребрам, и я растерянно оглядывала комнату. Первым делом я посмотрела на свой

старый будильник, который показывал семь утра. Во рту стоял тошнотворный привкус, а все тело стало липким от пота. Только я хотела снова откинуться на подушку, как краем глаза уловила какое-то стремительное движение и вздрогнула.

– Какого черта...

Рядом с чемоданом сидел гигантский паук, показавшийся мне немного знакомым. Это была та огромная тварь из школьного коридора.

– Опять ты! – Мои голые подошвы зашлепали по прохладному полу. – Ты преследуешь меня? Я думала, мы все выяснили, – сердито крикнула я и бросила в него первое попавшееся под руку, а именно ботинок, и паук скрылся под кроватью.

– Если не хочешь неприятностей, ты исчезнешь, когда я вернусь из ванной.

Под кроватью было тихо.

– Черт, – вздохнув, я потерла глаза и посмотрела на улицу, где солнце сегодня снова пряталось за густыми тяжелыми тучами. Отдаленный раскат грома заставил старый дом едва заметно вздрогнуть.

Я оставалась неподвижной, пока не успокоилась, а пальцы ног не заледенели. Потом поднялась и побрела в ванную. Под душем я постаралась как можно тщательнее смыть с себя весь этот кошмар струями воды. Женщина была чертовски жуткой. Я нахмурилась. А что еще меня так ужаснуло?

– Видишь? Ты уже забыла сон, теперь возьми себя в руки, – прошептала я себе, причесывая волосы и, как обычно, завязывая их в высокий конский хвост. – Даже самый жуткий кошмар – это всего лишь сон. Все наладится. Шаг за шагом.

Я наложила макияж, чтобы замаскировать темные круги под глазами, надела школьную форму и вышла из комнаты. В висках пульсировала легкая, но упорная головная боль. И как только вчера я смогла заснуть в середине дня? И не случилось ли тогда еще чего-нибудь, что меня побеспокоило?

Когда я вошла в общий зал, где, как значилось в моей папке, должен был быть приготовлен завтрак, острая боль пронзила голову, и я начала хватать ртом воздух.

– Привет, Элис, я как раз собиралась пойти за тобой. – Ларк сидела со скрещенными ногами на одном из уютных диванов, перед ней стояли кофейник и миска с кашей.

Я непонимающе посмотрела на нее.

– Мы же договорились! Уже забыла?

Она набирала что-то на айфоне. Разве она не отдала его вчера?

– Ага. Я, кажется, немного выбита из колеи, – обреченно ответила я.

– Не переживай. В Честерфилде поначалу нелегко освоиться.

Я налила себе кофе, взяла тосты с небольшого блюда и под села к Ларк. Она смотрела на меня, склонив голову.

– Хорошо спала? – спросила она.

– Ты, очевидно, лучше. Как вам удается быть такими бодрыми? – вопросила я, откусывая мягкий тост.

Она усмехнулась.

– Мы на ногах уже с половины шестого. Утренние занятия спортом.

– Блин. Я забыла об этом. – Я в ужасе посмотрела на нее.

– Это не страшно. Для новичков щадящие правила. Вначале все просыпают. На следующей неделе они начнут дергать тебя из постели ни свет ни заря, так что пока наслаждайся своей свободой.

– Моя свобода... – Я глотнула немного кофе, в то время как в висках у меня снова запульсировало. Я пыталась ухватить какое-то воспоминание, но оно было вытеснено мыслью о наших с Винсентом сплетенных руках. Улыбка исчезла с моих губ, когда я увидела, как Ларк печатает что-то на телефоне.

– Я думала, в Честерфилде телефоны запрещены в течение учебной недели?

– В принципе, запрещены. – Она равнодушно продолжала клацать ногтями по экрану.

– Но ведь мисс Кросс вчера отобрала у тебя эту штуку.

– Да, она прячет телефоны в коробку над каминной полкой в своем кабинете. – Ларк весело подмигнула. – Но меня это не останавливает. Если уж я застряла здесь, то пусть хотя бы с интернетом.

Я чуть выпрямилась и с тоской посмотрела на телефон.

– Могу я... могу я одолжить его на минутку? Я хотела бы позвонить своей маме.

– Маме? – Ларк уставилась на меня так, словно я оказалась инопланетянином.

– Ты не обязана мне его давать, – я быстро пошла на пятый. – Просто я еще не нашла ни одного из таксофонов.

– Они все равно как металлолом, – фыркнула Ларк и протянула мне свой айфон. – Давай. Позвони. Самая лучшая связь у окна.

– Спасибо, ты очень добра.

– Ах, да ну... – смущенно пробормотала Ларк и отвела взгляд.

Я улыбнулась и направилась к окну, набирая наш домашний номер. Над верхушками деревьев по-прежнему низко висели тяжелые серые облака. Трава была идеально подстрижена, вдали виднелась темная роща. Пока шло соединение, я разглядывала старые сосны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.